

Архивный комитет Санкт-Петербурга
Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Обыкновенная жизнь

О.А. Сергеева

**«ВСЕ, ЧТО НАПИСАНО
В ЭТИХ ЗАПИСКАХ —
СОВЕРШЕННАЯ ПРАВДА.
ВСЕ Я ВИДЕЛА
СВОИМИ ГЛАЗАМИ»**

*Воспоминания врача
о блокаде Ленинграда*

Санкт-Петербург
2024

УДК [94(470.2325)<1941/1944>+61(470.23-25)](093.3)
ББК 63.3(2)622-9ю14
С32

Редакционная коллегия:
Т. А. Кудрявцева, П. В. Легкая, О. Н. Шемчук, А. Н. Чистиков

Ответственный редактор:
доктор исторических наук А. Н. Чистиков

Ответственный составитель:
заслуженный работник культуры Н. Ю. Черепенина

Сергеева О. А.

С32 «Все, что написано в этих записках — совершенная правда. Все я видела своими глазами». Воспоминания врача о блокаде Ленинграда / Отв. ред. А. Н. Чистиков, отв. сост. Н. Ю. Черепенина. — СПб. : ООО «Счастливый билет», 2023. — 152 с.

ISBN 978-5-6047626-3-9

Воспоминания врача поликлиники завода «Большевик» О. А. Сергеевой дают впечатляющую картину о работе медицинских работников в период блокады Ленинграда, открывая ранее неизвестные подробности.

УДК [94(470.2325)<1941/1944>+61(470.23-25)](093.3)
ББК 63.3(2)622-9ю14

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Автобиография врача-пенсионерки Сергеевой Ольги Александровны.....	9
Поликлиника в конце 1941 года	17
Дистрофия	19
Терапевтическое отделение.....	21
22-й кабинет	24
Хирургическое отделение	31
Наш быт.....	33
Посещение больных на дому.....	40
* * *	42
1943 год	43
Обстрел	44
16/VII 1943 года	46
В очаге поражения	48
Весна 1942 года	50
Авитаминозы и лечение блокадных болезней	53
Иллюстрации	59
Фотокопия воспоминаний О.А. Сергеевой.....	85
Именной указатель	149
Список сокращений.....	151
Список архивов и архивных фондов, использованных при публикации.....	152

ПРЕДИСЛОВИЕ

Библиография изданий воспоминаний о блокаде Ленинграда насчитывает не одну сотню наименований*. Однако, каждое новое воспоминание, обнаруженное в архивах, музеях, библиотеках, личных собраниях добавляет ранее неизвестные страницы блокадного бытия, помогает лучше понять ту героическую и трагическую эпоху.

В полной мере это замечание относится и к публикации воспоминаний врача Ольги Александровны Сергеевой (1898–1964). Материалы были приняты на государственное хранение в 1964 году и стали одним из первых поступлений, положивших начало архивной коллекции «Документы и воспоминания о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и блокаде Ленинграда» (ЦГА СПб. Ф. Р-9631).

В годы войны автор работала в медико-санитарной службе завода «Большевик», который тогда назывался заводом № 232 Наркомата вооружения СССР. Это было крупнейшее предприятие оборонного комплекса страны, где в начале 1941 г. работали свыше 15 тыс. человек. В состав медико-санитарной службы входили основанные в 1897 г. больница на 75 коек и поликлиника, рассчитанная на 730 посещений и 101 квартирный вызов**. Они

* См.: Ленинград в годы Великой Отечественной войны: библиографический указатель литературы и источников 1941–2022. СПб., 2023. Вопросы формирования корпуса воспоминаний о блокаде наиболее подробно освещены в книге: Воронина Т. Помнить по-нашему: социалистический историзм и блокада Ленинграда. М., 2018.

** Данные на 1938 год. ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 8. Д. 2. Л. 58–59. Все медицинские учреждения значились по адресу пр-кт Обуховской обороны, 52.

относились к учреждениям «открытого типа», т. е. обслуживали не только работников предприятия, но и жителей района. Кроме того, в 1937 г. была создана амбулатория (поликлиника) «закрытого типа», предназначенная для лечения только заводского персонала. Всего в медицинских учреждениях завода до войны работало свыше 350 сотрудников, в том числе 115 врачей. С началом войны положение изменилось — резко сократилось количество врачей (многие ушли в армию, другие эвакуировались), было создано подразделение медико-санитарной службы МПВО, в начале 1942 г. организованы лечебные стационары, один из которых в мае 1942 г. был реорганизован в больницу закрытого типа*.

Сильно изменилась и численность заводского персонала. Если на 1 января 1942 г. значилось 9893 человека, то к 1 января 1943 г. их осталось только 3397 (34%). При этом очень многие заводчане болели, так в I квартале 1942 г. потери из-за нетрудоспособности составили 28% рабочего времени**.

Как отмечалось в докладе директора завода о работе в 1942 году, поликлиника не прерывала свою деятельность ни на один день, и медики провели «исключительно большую работу по обслуживанию больных». Названы и цифры посещений: I квартал 1942 года — 79876, II — 60025, III — 46592, IV — 23121***.

Эти цифры в свое время были совершенно секретными, их нет в публикуемых воспоминаниях. Ни в одном официальном документе невозможно найти описание, как вели прием заводские врачи, как они ставили диагнозы

* ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 11. Д. 140. Л. 54 об.

** ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 11. Д. 140. Л. 33, 34.

*** ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 11. Д. 140. Л. 55.

и пытались помочь умирающим, наконец, как они жили, ели, спали на рабочем месте, изредка, с большим трудом выбираясь домой.

Воспоминания О. А. Сергеевой состоят из трех частей, каждая из которых имеет собственную (авторскую) нумерацию.

Первая часть (авторская нумерация с. 1–8) — это автобиография, датированная 15 января 1963 г., где Сергеева довольно подробно рассказывает о своем детстве, гораздо меньше о юности, учебе в институте и совсем мало о своей «взрослой» жизни.

Вторая, наиболее объемная, часть (авторская нумерация с. 1–49) — это, собственно, воспоминания о военном лихолетье. При этом, в свою очередь, воспоминания делятся на два раздела. В первом (с. 1–37) текст разбит на шесть глав с довольно беспорядочной нумерацией (две четвертых главы, две пятых, пропущены номера 3, 6, 7 глав)* и заканчивается датой — 17 марта 1943 г. Можно предположить, что данный текст воспроизводит записи, сделанные Сергеевой по распоряжению главного врача в начале 1943 г. Второй раздел (с. 38–44) состоит из очерков, написанные несколько в беллетристическом стиле. Они в основном рассказывают о тяжелейших артиллерийских обстрелах, которые пережила автор.

Третья часть (авторская нумерация с. 1–10) посвящена описанию лечения «блокадных болезней» и работе в заводской комиссии по направлению нуждающихся на усиленное питание.

Подготовка издания проведена в соответствии с Методическими указаниями по публикации архивных доку-

* Именно поэтому в оглавлении номера глав опущены и воспроизводятся только авторские названия.

ментов в печатном виде (М., 2022). Однако для удобства пользования и в связи с небольшим количеством подстрочные примечания и комментарии объединены единой нумерацией.

Текст воспоминаний передан в соответствии с современными правилами грамматики русского языка при сохранении стилевых особенностей. Явные неисправности текста исправлены без оговорок. Пропущенные слова и сокращения слов обозначены квадратными скобками. Подчеркивания в тексте оговорены в подстрочных примечаниях. Общепринятые, понятные сокращения слов не раскрываются.

Издание снабжено именным указателем на лиц, упомянутых в тексте воспоминаний, по возможности указаны их годы жизни и должности, а также иллюстрациями и их списком.

Было также сочтено возможным разместить в издании фотокопию рукописи.

Археография текста, составление комментариев, подготовка научно-справочного аппарата и предисловия выполнены главным методистом ЦГА СПб Н. Ю. Черепениной.

АВТОБИОГРАФИЯ ВРАЧА-ПЕНСИОНЕРКИ СЕРГЕЕВОЙ ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

Родилась в Ленинграде в 1898 году. Детство у меня было очень хорошее. Отец работал кассиром в ломбарде. Мать хозяйничала дома; и я, и моя старшая меня на 2 года, сестра всегда были вместе с родителями. А так как родители мои отличались благоразумием и добротой, то мы всегда жили в атмосфере сердечности, уюта и спокойствия. Дома у нас всегда было много книг; классики: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Тургенев и прочие. Читать я научилась с четырех лет, но, увы, сперва вверх ногами: сестре было уже шесть лет, и мама ее учила читать, а я сидела за столом напротив и сама научилась читать, но вверх ногами. Некоторое время взрослые этого не замечали, но потом один знакомый обратил внимание, что я не так держу книгу; показал, как надо, и я живо переключилась. Первое произведение, которое я прочитала самостоятельно, была сказка Пушкина «О рыбаке и рыбке». Потом были и Жуковский, и Аксаков, и повести Чарской*, и романы, и рассказы из журналов «Нива» и «Родина»**. Поэтому не удивительно что, будучи в 3 классе частной греческой гимназии Кулжинской***, куда я поступила

* Перечисляются авторы, чьи произведения стали классикой детской литературы.

** Популярны журналы «Нива» (годы издания 1879–1918), «Родина» (1879–1883) предназначались для семейного чтения.

*** Частная женская гимназия О. С. Кулжинской, где среди прочих предметов преподавался греческий язык, первоначально располагалась по адресу Екатерингофский канал, 15, в 1916 г. — Забалканский (ныне Московский) пр-кт, 22.

в старший подготовительный класс, я из «подполы» прочитала «Яма» Куприна*, которая сильно подействовала на мое детское воображение, почти так же сильно, как «Рассказ о семи повешенных»**. Об этих двух произведениях разговаривали старшеклассницы между собою, но я молчала, так как боялась выдать ту, которая дала прочесть мне эти книги.

Чтение и разговоры близких помогли мне рано разбираться в некоторых явлениях жизни. Так, меня, маленькую девочку, всегда удивляло то, что носильщик на вокзале несет на спине пять чемоданов, а рядом идет молодой мужчина, хозяин чемоданов, налегке, постукивая тросточкой по тротуару.

Однажды я проходила с отцом мимо Литовского замка*** (это была тюрьма близ Театральной площади), и на вывеске увидели надпись «экзекуторская», и мне отец объяснил, что это за учреждение, что здесь секут, подвергают телесным наказаниям людей, и они не могли защищаться, я ужасно расстроилась и ходила «сама не своя», как говорится, так что мама даже упрекнула папу, зачем он мне все это рассказал. Но папа сказал, что когда-нибудь я все равно должна узнать все стороны жизни. Незабываемые впечатления произвели на меня

* В повести А. И. Куприна «Яма», первая часть которой опубликована в 1909 г., подробно описывался быт публичного дома; критики обвиняли автора в натурализме и порнографии.

** В повести Л. Н. Андреева «Рассказ о семи повешенных» (1908 г. издания) описывались последние дни людей, приговоренных к смертной казни.

*** Замок (назван по имени размещавшегося там Литовского мушкетерского полка) построен в 1782–1787 гг., с 1822 г. — тюрьма, 27 февраля 1917 г. здание было сожжено, в конце 1920-х гг. снесено.

события у Московского вокзала, тогда Николаевского, на Знаменской площади в 1905 году*, мы вышли из вокзала, возвращаясь вечером из Колпино, куда ездили в гости по случаю какого-то праздника. Вся площадь была запружена народом, вся масса народа бурлила и волновалась; мы начали протискиваться среди людей, т. к. хотели пройти к конке. Видимо, и мои родители не знали, почему собрался сюда народ. Вдруг раздалась команда и в толпу врезались казаки на лошадях, сабли наголо, и начали взмахивать саблями. Послышались стоны и крики, как будто бы людей рубили и топтали конями. Мы в толпе сразу потеряли маму и сестру, папа очень расстроился, крепко держал меня за руку, мы шли пешком домой, папа несколько раз пытался нанять извозчика, но они не ехали, отказывались или вовсе не отвечали — видно, была забастовка. Около дома мы встретили маму и сестру, они тоже шли пешком.

В детстве нас несколько раз водили в театр; я смотрела «Ревизор» и «Недоросль»** в Александринке, теперь театр им. Пушкина, в исполнении артистов Варламова, Давыдова, Горин-Горяйнова***, Савиной и др. В настоящее время у нас прекрасные театры, замечательные, талант-

* Вероятно, речь идет о многотысячной демонстрации 2 октября 1905 г., когда гроб с телом скоропостижно скончавшегося князя, профессора Московского университета С. Н. Трубецкого был доставлен на Николаевский вокзал для отправки в Москву. Сохранились фотографии этого события. Тогда же в Петербурге началась всеобщая политическая забастовка.

** Знаменитые комедии Н. В. Гоголя (первый вариант написан в 1835 г.) и Д. И. Фонвизина (1782), многие фраз из которых стали крылатыми.

*** В тексте ошибочно «Горин-Горянин».

ливые артисты, но все же этих двух спектаклей я никогда не забуду.

Гимназию я окончила в 1916 году с золотой медалью и в этом же году была принята в Медицинский институт без экзаменов*. Почему я пошла в медицинский [?]. Особенно[го] призвания у меня не было. Но я много хотела знать в области физиологии и патологии человека и впоследствии захотела лечить. В это время отец стал болеть, потерял работу, поступил на другую, хуже оплачиваемую, материально стало значительно хуже, но мир и спокойствие в нашей семье были прежние. В 1916 году отец умер. Я получала стипендию им. Белинского 300 рублей в год, но пользовалась ею только один год, когда началась революция, ее ликвидировали.

Несмотря на то, что я воспитывалась в культурной семье, где уважали труд, не уважали барство и праздность, где любили театры, любили читать, говорили о прочитанном, когда началась революция, я была как слепой котенок, я не понимала всей грандиозности и величия происходившего, я даже не понимала, что означает слово «социализм». То есть я была такая же, как и многие юноши и девушки моего возраста того времени. Но за себя я в этом бросаю упрек тем старшим товарищам по институту, с которым меня познакомили однокурс-

* Женский медицинский институт, основанный в 1895 г. как частное высшее учебное заведение для подготовки медицинских работников — женщин, начал работу в сентябре 1897 г. Девушки, окончившие с отличием гимназии, имели право поступать на учебу без экзаменов. В 1918 г. институт преобразован в Петроградский медицинский, затем в 1-й Ленинградский медицинский институт, с 1936 г. носит имя академика И. П. Павлова. В настоящее время Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И. П. Павлова.

ницы и, которые привлекли меня к «работе». На I курсе я была довольно прилично одета и меня посылали в «Кресты»*. Я носила передачи заключенным, заучивала наизусть ответы, если администрация мне будет задавать вопросы. Иногда они и бывали. Я заучивала наизусть адреса и ездила к товарищам, оповещая их о собраниях или об отмене, причем меня учили, как я должна себя вести, чтобы не привлекать внимания шпиков. Вспоминаю, однажды возвращаясь из загорода с такого задания, я заметила, что за мной следит мужчина в студенческой форме. Он стал недалеко от меня на платформе, когда я садилась в поезд, прошел вагоном, в котором я сидела, и опять шел за мною по площади у Финляндского вокзала. Я так испугалась, что вскочила в трамвай на полном ходу. Теперь я думаю, что это не был шпик, уж очень у него было открытое, приятное лицо.

Начиная с 1917 года, учиться стало очень трудно. Аудитории не отапливались, в лабораториях холод, замерзали руки. Голод. Продукты выдавали редко. К тому же «пешее хождение». Пришлось на время бросить институт и начать работать. Летом я работала в студенческой сельскохозяйственной артели под Лугой. Затем устроилась кассиром в 5-м почт[овом] отделении**. Туда заходили знакомые медики и уговаривали меня бросить работу, возвратиться в институт. Я и сама хотела этого, но начальник почтового отделения почему-то не отпускал меня, хотя не думаю, чтобы я была очень ценный работник. Наконец, я ушла самовольно, перестала выходить

* «Кресты» — одиночная тюрьма (открыта в 1893 г.) для уголовных и политических заключенных.

** Сергеева работала в почтовом отделении с 18 июня 1919 г. по 20 января 1920 г. ЦГА СПб. Ф. 947. Оп. 1. Д. 8363.

на работу, а когда я пришла за расчётом, то меня препроводили в комиссию по борьбе с саботажем и контрреволюцией. Меня ввели в большую обставленную хорошей мебелью комнату, а к дверям поставили часового с винтовкой. Я его спросила, долго ли мне здесь сидеть, а он мне ответил, что с часовым не разговаривают. Тогда я перестала спрашивать и сидела очень смирно. Часа через полтора меня выпустили, позвонили в институт и узнали, что я не саботирую, а усердно занимаюсь.

Окончила медицинский институт в 1923 году. С тех пор работала, если не было платной работы, то работала бесплатно*. До 1934 года я работала участковым врачом на Октябрьской железной дороге, обслуживала сельскую местность.

В 1934 году я поступила на завод «Большевик»** врачом здравпункта. С первых дней Великой Отечественной войны в июне 1941 года меня откомандировали в медицинскую врачебную комиссию при Гвардейском флотском полуэкипаже***, где я работала по отбору бойцов на фронт. Когда начали с фронтов возвращаться кадровые

* В середине 1920-х годов в Ленинграде среди врачей была довольно большая безработица, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивном фонде Губернского отдела здравоохранения регистрационные карточки.

** Завод «Большевик» (до 1922 г. Обуховский) в 1942–1945 гг. назывался заводом № 232 Наркомата вооружения СССР.

*** Вероятно, речь идет о военно-врачебной комиссии, которая работала в здании (морских казармах) быв. Гвардейского флотского экипажа (Крюков канал, 2). В состав комиссий включались гражданские врачи. Ленинградский флотский полуэкипаж, береговая часть Балтийского флота, занимавшаяся приемом, размещением прибывающего пополнения, не имел звания «Гвардейский».

флотские врачи*, меня откомандировали обратно на завод. В декабре 1941 года я снова начала работать на заводе. Здесь я видела и пережила все ужасы блокированного города, при почти полном отсутствии топлива и продуктов питания. В 1943 году наш главный врач Ломтев Михаил Диомидович (‡)** собрал врачей у себя и предложил нам написать записки о блокаде, кто что помнит, кто как может. Это задание он получил из райкома партии***. Просмотрев наши пробные работы, он выбрал меня и поручил мне написать все, что я знаю, что помню о блокаде, все правдиво, все как было в действительности. Две недели я писала, так как на этот срок была освобождена от всех работ.

Д-р Ломтев очень интересовался этими записками, показывал их на заводе, и в райздраве. На заводе их отпе-

* Вероятно, это было вызвано перебазированием Балтийского флота из Таллина в Кронштадт в конце августа 1941 года.

** Здесь и далее знак православного шестиугольного креста, поставленный после имени, означает, что упоминаемый человек умер.

*** Постановлением бюро обкома ВКП(б) от 3 апреля 1943 г. создана комиссия по составлению хроники «Ленинград и Ленинградская область в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков». Соответствующие комиссии были образованы в районах, на предприятиях, в других учреждениях. Довольно подробно деятельность комиссий отражена в нескольких работах. См. Павловская А. Р. Блокадный архив ленинградского отделения Института истории ВКП(б): сбор воспоминаний горожан в 1942–1944 гг. и влияние исторического авангардизма. // Неприкосновенный запас. 2019. № 6. На заводе «Большевик» комиссия по написанию истории предприятия во время Отечественной войны была образована раньше — 9 января 1943 г. О подвиге Ленинграда строками хроники. Л., 1989. С. 135.

чатали в 4-х экземплярах на машинке, но мне не дали ни одного экземпляра. И где эти 4 экземпляра, мне не известно.

Все, что написано в этих записках — совершенная правда, все я видела своими глазами.

В 1948 году я из поликлиники завода перешла на работу в инвалидный дом имени Карла Маркса*, где работала до 1954 года.

С 1954 года я на пенсии.

*Врач Сергеева Ольга Александровна***
15 января 1963 года.

* По решению Ленгорисполкома от 24 ноября 1942 г. дом инвалидов им. К. Маркса (ул. Смольного, 4) был переименован в больницу хроников им. К. Маркса. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1471. Л. 110.

** Далее опущен домашний адрес.

ГЛАВА I. ПОЛИКЛИНИКА В КОНЦЕ 1941 ГОДА

9/XII 1941 года, получив откомандировочные* документы, я возвращалась на завод с военной службы. Простояв на трамвайной остановке около переполненного народом, но не движущегося трамвая, и основательно промерзнув, так как мороз в эту зиму [19]41/42 г. был лютый, я вместе с другими работниками нашего завода решилась идти пешком — расстояние приблизительно в двенадцать километров. Людей шло много, никто не соблюдал правил уличного движения, шли не только по панели, но и по дороге и трамвайным путям, некоторые граждане, не отдавая себе отчета в происходящем, ворчали на отсутствие транспорта, на «не умеющих работать трамвайщиков».

С этого дня по нашей трассе прекратилось трамвайное движение**, и обезжизненные вагоны так и остались стоять на заносимых снегом трамвайных путях.

Завод наш в это время еще работал. Поликлиника, которая при директоре тов. Устинове была любимым детищем завода, продолжала в первую очередь снабжаться теплом и светом и при преемнике Устинова, директоре Волосатове.

Но внешний вид поликлиники очень изменился. Снаружи окна были заделаны уродливыми деревянными ширмами и засыпаны садовым песком. Внутри окна были заделаны синей бумагой и черными шторами. Дневной

* Так в тексте.

** По решению Ленгорисполкома от 9 декабря 1941 г. в целях сокращения расхода электроэнергии были закрыты некоторые участки трамвайного пути и сняты с выпуска на линию 90 вагонов. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1430. Л. 86–90.

свет внутри I этажа здания не проникал, и работать приходилось с электрическим освещением, которое у нас еще было до начала 1942 года. В кабинетах было тепло, работал водопровод, телефоны и радио.

Между тем как в городе в это время была уже совершенно другая картина. Ленинград был погружен во тьму — не было электрического освещения, перестал работать водопровод; чтобы добыть воды, надо было идти на Неву и доставать воду ведром на длинной веревке прямо из проруби или можно было достать воду из уличного колодца, но там вода была химически нечистая, и пользоваться ею было рискованно. Канализация совершенно развалилась, горы нечистот начали расти под окнами и у подъездов домов. Топлива в городе не было. Усиленно продолжалась эвакуация мирных жителей и учреждений*. Наконец, перестало работать радио, жизнь замирала.

Вернувшись в поликлинику, я нашла в ней много изменений: в начале войны пришлось закрыть рентгеновский кабинет, так как весь персонал, обслуживающий его, был призван в Красную армию. Не работал душ.

Многих товарищей я не встретила, ушли в Красную армию хирурги Швецова, Бондаренко, зубной врач Зарайская, многие медсестры.

Ушел в партизанский отряд д-р Никифоров. Закрыли кожный кабинет. Дерматолог Туманова переключилась на работу хирурга и вскоре возглавила всю хирургическую помощь на заводе раненым во время обстрела и бомбежки.

* Постановлением Военного совета Ленфронта от 6 декабря 1941 г. предполагалось ежедневно вывозить до 5 тыс. человек, но 12 декабря эвакуация была приостановлена. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 63. Л. 223, 226–227.

ГЛАВА II. ДИСТРОФИЯ

В это время уже наблюдалось увеличение количества больных. Голод и отсутствие транспорта уже сказывались на трафике наших пациентов. Появились больные, истощенные, обессиленные ежедневной длительной ходьбой и голоданием, больные обезжиренные, больные, обезвоженные, и другие, как губка, пропитанные водою*. Все отличались отсутствием подкожной клетчатки, страдальческим выражением глаз. Вследствие поражения суставов и мышц походка у них сделалась неуверенной, вытянутой ногою. Внешний вид был ужасен. Многие прежде культурные и чистоплотные люди, перестали мыться, даже перестали умываться. Лицо, ноздри, шея были черные от копоти, сухая кожа делала лицо старческим, неузнаваемым. Идёт такой человек, вытягивая прямую, не сгибающуюся в коленном суставе ногу, в испачканном поношенном пальто обязательно подпоясан веревкой или ремнем, на голове шапка-ушанка, безумный взгляд, в вытянутой руке длинная палка, на шее веревка, на которой болтается какая-нибудь посуда или тощий портфель. «Дистрофик» — название прочно пристало к этой несчастной фигуре. Такие люди приходили к нам за помощью. Многие не могли идти сами, их привозили на детских саночках, прикрытых одеялами и шубами. Все эти люди шли, ехали, еле ползли к нам, иногда очень издалека, в ожидании помощи, то есть чуда.

* Речь идет о двух формах дистрофии: кахектической (сухой), для которой характерно обезвоживание, и отечной, при которой тело больного опухает.

Появилось новое слово в нашем лексиконе и новый диагноз в больничных листах: дистрофия*. Начиная с этого времени я заметила, что отсутствуют такие заболевания, как грипп, ангина, суставный ревматизм. Очень многие больные жаловались на поносы, по-видимому, это были ахиллические** поносы. Они производили удручающее впечатление на психику больных. Вспоминаю одну молодую девушку, работницу нашего завода, которая плача умоляла спасти ее от смерти, так как она знает, «что если начался понос, то вскоре придет и смерть». Аптеки не работали.

Девушке этой я достала соляную кислоту. Через несколько дней она пришла ко мне проститься, довольная, понос прекратился, девушка отправилась в эвакуацию.

В начале января 1942 года состояние нашей поликлиники резко ухудшилось. Перестало работать центральное отопление, водопровод, канализация, прекратилась подача электричества. Мы перешли на освещение «коптилками», свечами и фонарями.

В некоторые кабинеты поставили железные печи — «буржуйки».

Между тем количество больных все увеличивалось, больничные листы мы все выдавали и выдавали, затем они все вышли. Райздравотдел не присылал нам больше больничных листов, мы стали освобождение от работы писать на справках. В эту пору больные на работу не выписывались. Выписка была только по случаю смерти. Количество

* Инструкция о терминологии и лечении дистрофии была принята 7 декабря 1941 г. ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 317. Л. 4.

** Ахилия — полное отсутствие в желудочном соке соляной кислоты и ферментов, ахиллические поносы характерны для гастритов, связанных с понижением функций поджелудочной и желудочных желез.

больных настолько увеличилось, что терапевты не могли справиться с приемом, пришлось привлечь к приему узких специалистов: глазного, зубного врачей, даже лекпомов и медсестер.

Пришлось приспособиться к работе в помещении, лишённом света, тепла и воды. Прежде всего, раскупили окна, деревянные ширмы разобрали на дрова, песок рассыпали у окон; сняли бумажные шторы. Работали только в одну дневную смену. Были установлены печи-временки в больших кабинетах: 5, 13, 22, 23, 26. В 23 кабинете устроили спальную для врачей, так как, живя далеко от поликлиники, мы не могли ежедневно ходить домой. Отапливались случайными дровами: разобранные оконные ширмы, ящики, поломанная мебель. Впрочем, в это время мы осуществляли организованные походы за дровами. Вспоминаю однажды в 12 часов ночи*, когда мы были все уже в постелях, нас разбудила администрация и направила на собирание дров, мы ломали на улице деревянные мостки, деревянные заборы, пилили, кололи их и сохраняли в своем 23 кабинете в углу и под топчанами, которые заменяли на кровати.

ГЛАВА IV . ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Терапевтический прием проводили в кабинетах 13, 22 и 4 и очень короткий срок в 9 кабинете, но его вскоре пришлось закрыть, так как там не было печки. В 13 и 22 кабинетах одновременно вели прием 3–4 врача; их рабочие места даже не были отделены ширмами. Иногда у дверей

* Вероятно, речь идет о весеннем периоде белых ночей.

кабинета ставили сестру или санитарку, которые вызывали больных: «к д-ру Андреевой», «к доктору Царевой» и т. д. За дверями кабинета толпа больных голодных людей, сесть больным было некуда, каждый хотел скорее пройти в кабинет на прием. Очередных номерков не было, да и больные наши с ними не стали бы считаться. Под дверями кабинета образовывалась давка, шум, иногда толпа возбуждалась, не слушала увещевания медсестры. Однажды при таких обстоятельствах была разбита стеклянная часть двери в 13 кабинете.

Качество обслуживания больных в эту пору было чрезвычайно низкое. Несмотря на наличие печей, топившихся 1–2–3 раза в день, в кабинетах было очень холодно. Врачи, сёстры, санитарки работали в пальто, шубах, валенках, шапках, платках, натянутый поверх всей этой одежды грязный халат, смены белья не было, так как прачечные не работали по всему городу, за стирку халата частным образом надо было заплатить 150–200 граммов хлеба, и на это редко кто мог рискнуть.

Конечно, в основном больных также не раздевали, чтобы пообследовать на внутренние органы, да и больные не претендовали на это ввиду чрезвычайно низкой t [температуры] помещения, где они находились. Если уж крайняя необходимость заставляла больного раздеть для тщательного обследования, то приходилось его подводить к печке, закрывать как-то от посторонних глаз, вообще масса хлопот.

Методика осмотра, на основании которого ставился диагноз, была следующая: осмотр ног, вернее, одной ноги. Некоторые врачи практиковали так: вызывали сразу 4–5 больных, сажали их в ряд на кушетку и заставляли разуть одну ногу, и на основании осмотра одной ноги

делали свои заключения* и отметку в больничном листке. Совместно с врачами прием вели студенты 4-го курса и только что окончившие школу медсестры. Восемнадцатилетняя медсестра Шура Лосева, хорошенькая девушка, с особенным удовольствием вела терапевтический прием, но ей, конечно, нравилась только внешняя сторона этого дела. «Больной, снимите вашу обувь», — предлагает Шура. Больной, стоя, разувается, сесть некуда, вследствие скученности. «Больной, у вас отеки, вы должны как можно меньше пить! Следующий!» Иного чего-нибудь Шура не знала, и никто не успевал ее научить. Что получит больной от такого приема? Признание его больным, т. е. отметку в больничном листе. Он также получал рецепт на лекарство, но аптеки работали с перебоями или вовсе не работали; если больной и доставал лекарство, то зачастую он должен был еще сам его варить, а для этого он должен был еще съездить на Неву за водою, и где-то раздобыть дров. Большею частью наши больные были беспомощны в этом отношении, и не случайно мы много рецептов видели валяющимися у дверей нашей поликлиники. Что получали мы, работники поликлиники, от такого приёма? Горький осадок своего бессилия; так хотелось накормить, обогреть, успокоить несчастных людей, но мы ничего не могли сделать.

Позднее, когда наш завод начал вырабатывать патоку из древесных опилок**, и выделял нам для поддержания

* При дистрофии отеки обычно начинались с голени, характерны были также тянущие боли в икрах, именно поэтому врачи просили показать ноги. См.: Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде / под ред. М. В. Черноруцкого. Л., 1947. — С. 24–25.

** Распоряжением директора завода № 232 от 26 декабря 1941 г. в химической лаборатории завода было организовано про-

жизни медперсонала и уже лечения больных рабочих и служащих нашего завода, мы распределяли её между наиболее нуждающимися больными, назначали курс лечения патокой «по 50 или по 100 грамм через один день — 5 раз». Больной должен был выпивать её тут же на наших глазах. Не знаю, спасла ли кого-нибудь патока от смерти, но, во всяком случае, моральное её воздействие на страдальцев было велико — они видели какую-то заботу о себе, внимание.

Бывали такие случаи, когда больной приходил на приём и уйти уже не мог. Не хватало сил и решимости идти семь–восемь километров до дому в пустую, холодную, тёмную квартиру. Больные предпочитали оставаться у нас, надеясь, что может быть здесь они получают какую-нибудь помощь, и во всяком случае будут не одни.

ГЛАВА V. 22-Й КАБИНЕТ

Прошёл год. Многое плохое прошло и начинает забываться.

Но запах смерти и тления я ясно чувствую при одном воспоминании об этом месте. Если бы сто художников задались целью нарисовать что-то мрачное и зловещее и нарочно сгустили краски, то и то у них бы не вышло так, как мы это видели было на самом деле.

изводство патоки из декстрина (группы углеводов, получаемых из крахмала), используемых в литейном производстве. В патоке содержалось до 50% сахаристых веществ. ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 12. Д. 937. Л. 71–71 об. См.: Обуховский завод. 150 лет во славу Отечества. СПб., 2013. С. 212–213.

22 кабинет — это большая метров на 60 комната, к ней примыкают ещё две маленькие, не имеющие дневного освещения. В самом кабинете одно окно, наполовину задрапировано шторой. Все остальное помещение тонет в полумраке. Вечером это помещение освещалась фонарём «летучая мышь». За столом поближе к окну помещались дежурная сестра и дежурный врач. За двумя другими столами происходил терапевтический приём в дневную смену. Все остальное помещение было занято кушетками, их было 7–8 штук. Ближе к окну помещалась железная печка-временка — источник тепла. Сколько глаз с надеждой смотрело на неё. Тяжёлые больные, которые не могли с приема уйти домой, оставались лежать на кушетках, конечно, в своей одежде, шапках, пальто, валенках. Они ждали. Чего? Выход из 22 кабинета был только в сарай, а там уже лежали штабеля необработанных трупов. Можно перечесть по пальцам тех больных, которых удалось вынести живыми из 22-го кабинета, но это позднее, когда открылись стационары*. Сюда приносили умирающих от голода, обмерзших людей. Приносили их с улицы, из цеха, из квартиры, приносили дружинницы и такие же дистрофики — рабочие, которые через неделю сами попадали в 22 кабинет на носилках. Приносили и клали на кушетки, а когда на кушетках не хватало места, оставляли на полу на носилках. Поступивших регистрировала дежурная сестра, врач

* Секретное постановление об организации лечебно-питательных стационаров для больных дистрофией было принято Ленгорисполкомом 29 декабря 1941 г.; 30 декабря утверждены нормы питания (в том числе хлебный паек — 350 г.). На заводе № 232, по воспоминаниям, было создано два стационара: на 100 «лучших работников» и на базе заводской поликлиники для 350 человек. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 56. Л. 103, 113, 114. Обуховский завод. С. 229.

осматривал, заполнял скудную историю болезни, назначал подкожные инъекции камфоры или кофеина*. Надо было много усилий приложить, чтобы снабдить страдальца грелкой, или дать ему попить горячей воды. За водою ходили дежурные сёстры и санитарки один раз в день на Неву, с большим трудом привозили полную бочку, устанавливали её в одной из маленьких, примыкающих к 22 кабинету комнат. Эта вода шла для питья, умывания, и прочего для больных и для всего обслуживающего персонала, который фактически жил в поликлинике. Конечно, при таких обстоятельствах много ли грелок получили больные. Уход за больными был плохой. Если у больного не были потеряны продовольственные карточки, то медсестра ходила ему за хлебом, и дни его жизни продлились на несколько часов. Лежали больные в своей одежде на жёсткой кушетке, иногда по несколько часов в одной позе, худые, бледные застывающие, иногда трудно было отличить живого от мёртвого. Когда места в 22 кабинете не хватало, ни на кушетках, ни на полу, то часть умирающих людей выносили напротив, в 17 кабинет, который совсем не отапливался. Некоторые умирали тут же; другие ещё несколько часов жили.

Однажды, приняв дежурство, я пошла в 17 кабинет посмотреть больных и наткнулась на следующую картину: на трех кушетках лежали холодные трупы, а посередине комнаты на полу ещё женщина в полном сознании, ей стало страшно лежать между покойниками, она встала, но не могла дойти до дверей, обессилев, упала. Ее перенесли в 22 кабинет, где она вскоре умерла.

Весь обслуживающий персонал так привык к страданию и стонам умирающих, что проявлял некоторую тупость

* В тексте кофеина.

и равнодушие, а, может быть, это происходило оттого, что обслуживающие сами были дистрофики, голодные, замерзающие. Когда места уже нигде не хватало и даже на полу, дежурная сестра шла смотреть, не умер ли кто-нибудь, чтобы освободить кушетку. Находилось 2–3 умерших, их с разрешения дежурного врача выносили в 20* кабинет, а иногда выставляли в коридор. Когда трупы скапливались, санитарки выносили их на носилках в сарай. Это была очень тяжёлая работа и физически, и морально. Видеть горы покойников, накладывать их всё больше и больше, узнавать среди них своих близких и знакомых.

Много нужно было терпения, выдержки и стойкости, чтобы работать в это время. Если бы способность реагировать не была понижена вследствие голода и дистрофии, то я уверена, многие бы не выдержали этих картин.

Умирали наши стахановцы — инженеры и рабочие с высокой квалификацией. Многие не пошли в Красную армию, чтобы производить оружие для фронта. Умирали молодые и старые, мужчины и женщины, но мужчин было больше.

Ходишь между этими живыми трупами. Голод сделал знакомые лица неузнаваемыми — скелеты, обтянутые серой кожей.

Несчастные просили помощи, а мы ничем не могли им помочь. Вспоминаю инженера Андреева, погибшего у нас в 22 кабинете. Он пришел на завод за продовольственной карточкой в последних числах января 1942 года, ожидал карточку у нас и умирал. Мы выхлопотали для него, через администрацию завода, тарелку с супом из цеховой столовой без карточек, но молодой жизни мы не в силах были спасти. Тяжело было смотреть на умирающего инже-

* Так в тексте.

нера Рубцова, начальника электроучастка. Несмотря на то что он был сравнительно в лучших условиях, так как питался в директорской столовой*, он не выжил, потому что делился своим скудным пайком с женою и маленькой дочерью. Спасая их, погиб сам. За несколько дней до смерти, чувствуя угрожающую слабость, он обратился к нам; его побледневшее лицо не внушало надежды. Имеющиеся тогда в наших руках средства — патока и дрожжевой суп** уже не могли его спасти.

Много усилия приложил наш коллектив, чтобы спасти юриста нашего завода, фамилию его не помню. Так как в стационаре, тогда уже открытом, мест не было, мы создали ему условия в стенах поликлиники, освободив отдельную комнату. Он страдал поносом, хроническая желудочная болезнь губила его. Впоследствии, когда были уже открыты стационары, мы дали ему диетическое питание, лечили его медикаментами; жена приезжала за ним ухаживать. Но все же спасти его не удалось.

Умер в 22 кабинете машинист-стахановец Матвеев Аркадий. Болезнь, голод превратили этого красавца в безобразный скелет. Погиб инженер-химик Микулов, кото-

* В распоряжении по заводу от 21 сентября 1941 г. перечислены действующие 4 столовые для работников цехов и 8 их филиалов, столовая ИТР. Директорская столовая не упоминается, возможно, это была часть столовой ИТР. Согласно указанному распоряжению сотрудники поликлиники были прикреплены к столовой ИТР. ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 12. Д. 938. Л. 45–46. О столовых см. также Обуховский завод. С. 225, 234.

** Дрожжевой суп готовился на основе белковых дрожжей, полученных из древесного сырья (опилки и стружки сосны, ели, измельченной хвои). Содержал белок и витамины, но был горьким, невкусным. Выдавался без вырезки талонов из карточек. Об использовании суррогатов на заводе № 232 см.: Обуховский завод. С. 227.

рый очень долго держался бодро, даже проявлял некоторую жизнерадостность, дружил с нашими врачами, вел переговоры с грозным директором столовой ИТР Смирновой относительно получения какого-нибудь супа по талончикам для врачей, занимал очередь женщинам-врачам на обед, за что и был прозван в шутку «женихом». И вдруг я слышу, что жених умер, и место его в столовой осталось пустым.

Многие шли к нам за помощью. Вспоминаю дочь стахановца рабочего Семенова, которая, будучи сама дистрофиком, привезла на саночках из города своего отца, сама энергично расчистила место у печки в 22 кабинете, устроила своего отца и не отходила от него до самой его смерти, и сама, вместе с санитарками, вынесла его тело в сарай.

Работа дежурного врача была особенно тяжела тем, что не приносила удовлетворения. Лечить было нечем. Кроме вышеназванных подкожных средств и грелки, в распоряжении дежурного врача было незначительное количество дрожжевого супа, изготовлявшегося на фабрике-кухне при нашем заводе. Этот суп был отвратительного запаха, цвета и вкуса, но больные ели его охотно. Впрочем, его было так мало, что не каждый больной мог его получить.

Дежурный врач должен был определить смерть* и оформить соответствующие документы. Смотреть надо было зорко. Вспоминаю такой случай: среди 10–12 трупов в 22 кабинете обнаружен труп 18-летнего юноши, довольно упитанного, без всякого следа дистрофии, со следами ушибов и ссадин на голове и левом плече. Доставлен он был из цеха, доставившие нашли его на полу и предположили, что он свалился с верхней галереи. Так ли это на самом деле. Не было ли здесь преступления? На этот

* Далее зачеркнуто написанное второй раз слово «смерть».

вопрос ответ могла дать только судебно-медицинская экспертиза, вскрытие, куда мы и направили труп пострадавшего. Сестра умершего заявила, что ее брат не голодал.

Дистрофия заметно снижала интеллект у большей части больных. Однажды раздевая доставленного к нам из цеха рабочего-стахановца, мы нашли обмотанный вокруг его тела большой кусок резины, который он, очевидно, взял в цеху, чтобы променять на хлеб. Тяжело и жалко было смотреть на следующую сцену: однажды в 22 кабинет, когда он был особенно загружен умирающими, принесли носилки с женщиной, а затем вскоре с мужчиной, поставили носилки рядом. Прошло полчаса, и мы видим, как женщина приподнимается и начинает стягивать с шеи мужчины шарф. Оба умерли в течение часа, конечно, все это делалось бессознательно, подчиняясь слепому инстинкту сохранения жизни, т.к. интеллект был резко снижен.

Воздух в кабинете был ужасный, больные здесь уже отправляли свои естественные потребности, уборка без воды плохая, проветривание — только через топившуюся печурку, причем тут же сушили загрязненную, промокшую одежду.

Многие больные страдали поносами. Вспоминаю больную Разикову, она лежала у нас в 22 кабинете за ширмой в течение семи дней в ожидании места в стационаре, открытие которого предполагалось. Больная была очень истощена, страдала поносом. Почему-то пользовалась она у нас лучшим уходом, чем другие. Ей дали подушку под голову, кушетку, на которой она лежала, оградили ширмой, чаще давали грелку. Больную эту удалось сохранить, она была помещена в стационар, где пролежала несколько месяцев, а затем эвакуировалась. Но таких отрадных случаев было очень мало.

Много любви, самопожертвования вкладывали в дело ухода за умирающими страдальцами наш средний медицинский персонал. Особенного уважения заслуживает медсестра, пришедшая к нам на работу из художественной литографии, ни на минуту не оставляла она умирающих, как мать подходила она к больному, стараясь каждого получше устроить; одному даст грелку, другому попить, впрыснет лекарство, скажет ласковое, ободряющее слово. Также чутко и любовно относилась к больным медсестра Н. Ширкевич, которая впоследствии ушла от нас в Красную армию.

ГЛАВА IV. ХИРУРГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Хирургический кабинет был на особом привилегированном положении. Он имел освещение от собственного аккумулятора. Но доктор Туманова, заведующая кабинетом, разрешала пользоваться этим освещением только при подаче помощи тяжелораненым во время обстрела или бомбежки. В остальное время кабинет освещался также скудно коптилкой. Работать можно было только в одну дневную смену. Недолго и аккумулятор действовал; в начале января 1942 года зарядка кончилась, и тогда освещались чем придется: «летучей мышью», коптилкой, лучиной, карманным электрическим фонарем.

Текущая работа происходила в дневную смену. В правом углу кабинета была устроена железная печь, и большая черная труба была выведена в окно. Топили печь раза два в день, но тепло было только на один метр от печки. На печке стояли мази, которым нужно было оттаять, чернильница. За печкой на низеньком табурете помещалась

доктор А*, сама больная-дистрофик. Она была настолько истощена, что подняться, посмотреть больного ей было трудно. Больные подходили к ней, наклонялись и показывали свои язвы. Перевязки делала медицинская сестра Надя Соловьева, натянув на меховую шубку грязный халат. Вместо сестринской косынки на голове у нее была меховая шапочка. Не всякую перевязку можно было сделать, т. к. некоторые мази так и не оттаивали во время топки. Больные приходили в кабинет в пальто, шубах, платках, шапках, с удовольствием садились на пол или на табуретку у печки, отдыхали, а затем начинали раздеваться** и нехотя отходили от печки. Вообще, печка привлекала многих. Мама Нади Соловьевой, не работавшая в нашей поликлинике, частенько приходила в хирургический кабинет и часами просиживала у печки в пальто, валенках, плитках и никто не обращал внимания, что сидит в хирургическом кабинете какая-то посторонняя старушка, как будто бы это было в порядке вещей.

Перевязочный материал у нас тогда был, но мы расходовали его чрезвычайно бережно, все время помнили о могущих быть ранениях во время обстрела и бомбежек.

Они таки и бывали.

Зловещий звук разрыва артиллерийского снаряда заставлял просыпаться, вскакивать, приводить себя в боевую готовность, не только дежурный персонал, который знал, что смысл его жизни в том, чтобы подать помощь населению, умело сохранить человека, вырвать его от смерти, которую враг сеял среди нас. Враг был настолько близко к нам, что мы ясно слышали звук выстрела издалека, и затем грохот разрыва и разрушения на нашем заводе.

* Здесь и далее полная фамилия доктора А. заклеена.

** Слово «раздеваться» в тексте написано дважды.

В феврале [19]42 года снаряд попал в караульное помещение на нашем заводе. Через полчаса начали на носилках поступать раненные, их было много. Оторванные конечности, проломленные головы, проткнутые животы с выпавшими внутренностями; были и убитые. Быстро и ловко развернулся медицинский персонал в хирургическом отделении. Раны очищали, обрабатывали, накладывали повязки, давали лекарство раненым, укладывали на носилки, регистрировали и отправляли в госпиталь.

Непосредственно подачей помощи руководила д-р Туманова; но работали все: врачи, сёстры, регистраторы, санитарки, работали самоотверженно, не щадя себя. Руководил всем нашим персоналом д-р Михаил Диомидович Ломтев (†).

Однажды ночью во время обстрела был только один пострадавший, который неосторожно вышел за чем-то на улицу. Его принесли к нам на носилках, с диагнозом «отрыв левой руки». Я обратила внимание, что он слишком тих и неподвижен. Он оказался мёртв, громадная зияющая рана, осколок снаряда вырвал вместе с рукою левую часть грудной клетки, превратив в сплошную массу мышцы, легкие, сердце.

Всё, что я видела в то время, запомнилось на всю жизнь.

ГЛАВА V. НАШ БЫТ

В свободное от работы время, мы старались найти такой уголок, где бы можно было согреться. В начале [19]42 года было тепло в бойлерной*. Счастливики зани-

* В тексте ошибочно «болерной».

мали место на круглом бойлере и ухитрялись на нём спать. Другие сидели на скамейке внизу во всей зимней одежде. Такого уголка в поликлинике, где бы можно было раздеться и сидеть спокойно в одном платье, не было. Многие, даже врачи, спали в пальто, зимних шапках, ботах или валенках. Многие наши сотрудники очень любили сидеть в 22 кабинете вокруг топящейся печи, хотя это и было запрещено. Здесь уже отогревались, кипятили воду, сушили валенки, делили и ели суп, полученный коллективно в столовой, здесь отдыхали, делились впечатлением, иногда шутили, смеялись, правда, редко. Всё это происходило в присутствии голодных, умирающих больных, несмотря на тяжелый смрадный запах, исходивший от некоторых из них.

Реакция наших сотрудников на окружающую среду была вялая в силу того, что сами служащие большей частью страдали дистрофией. Распоряжения, сделанные администрацией: «разошлись по рабочим местам, очистить место у печки для больных» — выполнялись после неоднократного повторения и вскоре нарушались.

Т. к. транспорта в городе не было, а многие сотрудники жили далеко от поликлиники, то после рабочего дня начинались хлопоты об устройстве на ночлег. В одной из маленьких, примыкающих к 22 кабинету комнатах, жили две медсестры, спали обе на одной кушетке, т. к. вторую поставить было некуда — тесно. Почему-то в их комнате было теплее, чем везде, хотя она ничем не отапливалась, там был какой-то уют и там любили собираться наши молодые врачи и медсёстры, раскладывали пасьянс, иногда шили, вышивали.

Для ночлега врачей был отведен 23-й кабинет, в нём помещалось девять кушеток, а, следовательно, жило девять человек врачей. Вместо коек стояли кушетки, оснащены

они были всем необходимым: бельё, матрацы, подушки, одеяла. Кушетки стояли очень близко друг другу — прохода между ними не было. Посреди комнаты — железная печь, отличительное свойство её было то, что она ужасно дымила. Копоть покрывала всё толстым слоем, дым разъедал глаза, вызывал слезотечение, раздражение и спазм верхних дыхательных путей, но печка всё же раскалялась, около нее можно было погреться, на несколько минут раздеть шубу, от которой даже плечи болели, можно было посушить боты и валенки, приготовить чай из черносмородинных палок* (замечательно питательно и вкусно!), а главное — топящаяся печь — ведь это единственный источник света, как часто мы собирались в кружок около печки и читали медицинскую литературу и главы из медицинской энциклопедии. Укладываясь спать, мы прикрывались не только пальто и одеялами, но также подушками и матрацами. Все тепло, накопленное такими трудами, уходило в течение ночи. Вода, оставленная на подоконнике, к утру замерзала. Надо добавить: необходимой принадлежностью нашей комнаты было большое ведро, к утру оно наполнялось до самых краев. Выносить его вменялось в обязанность дежурному. Когда ведро это почему-либо терялось, приходилось ночью в абсолютной темноте ходить в сад. Однажды, возвращаясь из такого похода в темноте, я провалилась в какое-то углубление под лестницей, откуда и была извлечена подоспевшей на мой крик д-ром Леоновой.

Обеденный перерыв**. С утра уже распространялись слухи: «в столовой нет дров, нет воды — обед не варят». Затем посланный возвращался из разведки: «привезли

* Так в тексте, видимо, речь идет о веточках смородиновых кустов.

** Здесь и далее подчеркнуто автором.

немного воды, будет только второе, а супа не будет». Наконец, приходил третий разведчик, и начинали собирать деньги и талончики, и составляли список желающих принять участие в коллективном обеде. Наконец, выделенные 2–3 человека приносили обед в ведрах, бочках, кувшинах в бойлерную. Сразу все сотрудники оставляли свои рабочие места и бежали в бойлерную, где обед выдавали по списку в нашу посуду: баночки, чашечки; обед тут же съедался. Наиболее терпеливые разогревали его на одной из печурок. Некоторые сотрудники ходили обедать в столовую ИТР по специальным пропускам. Простояв 1,5–2 часа в двух очередях за хлебом, за чеком, наволновавшись, навозмущавшись на «нахалов», «лезущих без очереди», мы, наконец, получали чек и садились в холодную, сырую комнату за деревянный, ничем не покрытый стол с неубранной посудой и крошками*, где официантки отбирали нашу посуду, и мы имели вдоволь времени, чтобы наблюдать, как соседи вылизывают языком тарелки. Минут через 30–40, наконец, принесли холодную мутную воду со следами крупы и соленые, как яд, котлеты (к этому времени хлеб конечно уже был съеден). Некоторые брали еду домой, чтобы поделиться со своими близкими.

Ужин: по просьбе нашей администрации работник треста общественного питания товарищ Аксенов разрешил отпускать нам из столовой 46-го цеха по талончикам суп или второе, что будет. Опять начинались хлопоты, составление списка, собирание денег и ожидание,

* Как правило, никаких крошек от еды на столах блокадников не оставалось. Замечание автора «о крошках» противоречит тому, что говорится в конце предложения о «вылизывании» тарелок.

главное ожидание этого ужина. Он всякий раз почему-то запаздывал. Многие уже спали, когда хлопанье входных дверей, возгласы «несут», «принесли» заставляли прерывать сон и бежать в 22 кабинет, где обычно происходили раздачи ужина.

Однажды, желая избежать ненужных страданий больных при виде нашей еды, я предоставила свой 19 кабинет для раздачи ужина. Но вскоре должна была отказаться от своей затеи, так как многие кушали с такой жадностью, разбивали посуду, проливали суп, так что к утру образовалась на столе и на полу ледяная корка, а убирать никто не хотел.

Надо отдать справедливость нашему главному врачу Михаилу Диомидовичу Ломтеву, он был одним из тех главврачей, которые сумели сохранить свои кадры, вовремя проявлял заботу о наиболее нуждающихся. Вместе с администрацией завода он принял участие в разработке мероприятий, направленных на борьбу с дистрофией, вернее [на] спасение от голодной смерти рабочих и служащих нашего завода. В одном из цехов начали из опилок изготовлять патоку. Но ее не хватало на всех нуждающихся. Выдавали по рецепту врача, причем получающий должен был выпивать ее здесь же в поликлинике. В некоторых столовых изготовляли дрожжевой суп, его выдавали без вырезки талона из карточки, но он был отвратителен на вкус, и ели его по необходимости, как лекарство принимали.

Не забывал доктор Ломтев и нас, своих сотрудников. С большим трудом, при помощи директора завода, он выхлопотал пять мест для врачей в директорской столовой. Нехватка продуктов была так велика, что эти 5 мест были большой нагрузкой для столовой. Делился завод с нами и патокой: получали ее только врачи по 100 г в день, не регулярно, но все же довольно продолжительное время. Раздача

патоки — это было настоящее священнодействие. Поручена она была д-ру Тумановой. Вечером все врачи собирались около только что принесенной из завода бутылью с патокой со своими стаканчиками и кружками. Разливала д-р Туманова патоку при помощи градуированного* стакана, причем все обязаны были тут же ее выпить, иначе могли вовсе ее лишиться. Особенную борьбу приходилось вести с доктором А., которая всякую пищу стремилась унести домой, где умирали от истощения ее мать и ребенок.

Несмотря на ужасные условия жизни, мы видели заботу о себе. От белкового голодания из штата медсанчасти умерла только одна Евгеньева — пожилого возраста технический работник, да и то потому, что вследствие отсутствия транспорта мы не могли довести ее до стационара. Умерли две санитарки, но они пришли на работу уже такими дистрофиками, которых по существу надо было принимать на койку, а не на работу. Весь персонал, в том числе и врачи, потерял в весе и от обычных в то голодное время дистрофиков отличались только чистотой кожи лица и, пожалуй, рук, которые все-таки, хоть и с большим трудом, вследствие отсутствия водопровода, удавалось изредка вымыть. Болели сотрудники редко. Однажды заболела А. Ф. Туманова каким-то инфекционным поносом, сопровождавшимся температурой 40, она лежала здесь же в 23-м кабинете, мы за ней ухаживали, приносили обед, кормили, поили лекарствами, выносили ведро, об изоляции никто не думал.

Хождение домой. Самым радостным было хождение домой, два раза в неделю — в среду и в субботу на воскресенье. Казалось, никакие силы не могли остановить нас, ни график работы, ни поднявшаяся выюга, ни темь,

* Т. е. стакана с нанесенными отметками объема.

ни отсутствие транспорта, ни даже неудовольствие администрации. Ноги шли сами. Пятнадцать километров, которые надо было пройти — пустяки! Отойти хоть на некоторое время от ужасных картин невероятных человеческих страданий, побыть среди родных любящих людей, удостовериться, что они живы. Не останавливал и обратный путь — еще 15 километров. Все, что можно было взять с собой — сэкономленный суп и кашу из директорской столовой, недопитая украдкой патока, накопленные кусочки хлеба — все это упаковывалось, бережно доставлялось домой, своим близким. Напрасные жертвы для многих: А. потеряла мать и ребенка; у д-ра [Т.]* умер старик-отец от голода.

Дорога была нелегкая, метель, мороз, снег засыпал глаза, пакеты оттягивали руки и плечи, выбиваясь из сил, я часто отставала от других более сильных товарищей и шла одна, невольно отворачиваясь и ускоряя шаг, когда проходила мимо трупов — человек шел, упал, не мог подняться, умер, да так и остался лежать до весны, занесенный снегом.

Выбиваясь из сил, я поскальзывалась, тоже часто падала. Помню, однажды, проходя мимо Палевского проспекта**, поскользнулась в снежном сугробе, упала и не могла из-за пакетов, которые не выпускала из рук, сразу подняться. Какой-то гражданин быстро пробежал мимо меня и с ужасом отвернулся, я крикнула здоровым голосом, что я поскользнулась, тогда он вернулся, помог мне подняться, стряхнуть с себя снег и смущенно пробормотал: «А я думал, что вы умираете». Но чаще я шла

* Первую букву фамилии можно прочесть как «М» или «Т», остальное заклеено полоской бумаги.

** С 1939 г. Палевский пр-кт назывался пр-ктом Елизарова.

не одна, самым хорошим моим спутником была Е. А. Закалунова (ныне умершая). Мы шли под руку, помогая друг другу, чаще она меня буквально тащила, подбадривая рассказами о лучших днях своей жизни.

Рассказы ее были увлекательными, и мы незаметно доходили до моего дома. Однажды, отойдя от поликлиники километра четыре, я заметила зарево пожара над городом, встречные граждане говорили, что пожар на проспекте 25-го Октября, а т. к. дом, в котором я живу, тоже выходит на эту улицу, то я невольно ускорила шаг. По мере приближения к городу зарево пожара становилось все заметнее.

Когда я подошла к горевшему дому, то страшное зрелище предстало перед моими глазами, в морозном воздухе густое пламя вырывалось из окон третьего, четвертого, пятого этажей громадного дома. Крыша с треском провалилась внутрь, пламя на миг потухло, а потом опять вырывалось миллионами брызг и осветило всю местность вокруг. Небольшая горсточка пожарных боролась с огнем, но, по-видимому, мало что могла сделать. Не было помощников, не было обычного скопления народа, не было обычного в таких случаях шума. Я быстрыми шагами добежала до дому.

ГЛАВА VIII. ПОСЕЩЕНИЕ БОЛЬНЫХ НА ДОМУ

Лечением больных на дому занималась квартирная помощь открытой сети*. Но иногда, в некоторых случаях

* Речь идет о поликлинике при заводе, которая принимала не только работников завода, но и их семьи. В поликлинике до войны было 13 врачебных участков по квартирной помощи и ночная неотложная помощь. ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 8. Д. 2. Л. 58.

приходилось и нашим врачам посещать заболевших рабочих и служащих нашего завода на дому.

Однажды меня пригласили к заболевшему рабочему завода тов. Богданову*. Он повредил себе ногу и не мог сам дойти до поликлиники. Он жил совсем на окраине города. Идти пришлось поздно в девятом часу вечера. Улицы были пустынные. Маленькие, деревянные домики стояли с наглухо заколоченными окнами, нигде не просвечивал огонек, не было видно жизни, неслышно собачьего лая, неслышно городского шума, глухо похрустывал снег под ногами редкого в этот час прохожего. Пустынно и тихо. Кое-где видны следы разрушенных домов — пожар или артобстрел.

И все это обливала своим холодным серебряным светом луна. Путь шел мимо кладбища**. Невдалеке от дороги я заметила какие-то возвышенности, занесенные снегом. Когда мы с моим спутником подошли поближе, то увидели, что это горы трупов, сложенные прямо на снегу, а вблизи дороги попадались трупы — одиночки, и, о, ужас (!), с отрезанными конечностями или вырезанными другими частями тела...

Товарищ Богданов не был тяжело больным или дистрофиком, так прихворнул на старости лет. Увидеть больного не дистрофика, а страдающего обычной доблокадной болезнью было даже отрадно, жена его, маленькая старушка, угостила меня ржаной лепешкой и стаканом молока.

Обратно я шла уже другой дорогой.

Врач Сергеева О.А. 15/III. 1943 года.

* Вероятно, речь идет о столяре Богданове Никифоре Ивановиче, 1872 г. рождения, проживавшему на 5-й линии Александровской фермы. Этот район был застроен частными домами, некоторые из хозяев содержали домашний скот.

** Речь идет о Преображенском еврейском кладбище.

В середине января 1942 года стояли лютые морозы, птицы не замерзли на лету только потому, что птиц в это время в Ленинграде не было.

Среда — середина недели, в этот день удержать нас в поликлинике начальство не могло, работы не было и мы, врачи, мы уходили домой ещё засветло, часа в три, чтобы проделав 12–15 километров пешком до ночи быть дома. Шли по трамвайному пути, т. к. здесь была налажена пешеходная дорожка, а остальная часть дороги и панели были непроходимы — покрыты глубоким снегом. Недалеко от мельницы [им.] Ленина*, там, где кончаются жилые дома, в которых, возможно, ещё теплилась кое-какая жизнь, и начинаются пустые склады бывшей Калашниковской хлебной биржи**, я заметила медленнодвигающуюся фигурку. Трудно было понять, молодая это была женщина или старая, скорее все-таки молодая, но с худым сморщенным, старческим лицом в низко опущенной на лоб серой шапочке, на шее голубенький шарф, короткая жакетка, короткая юбка, какие-то красно-рыжие чулки и подобие бот на медленно передвигающихся ногах. Я ее обогнала и, хотя таких, как она было немало, все же почему-то долго не могла забыть ее страдальческого личика, и тупо-покорного выражения глаз. Отдохнув дома среди милых, любящих людей, я бодро

* Речь идет о мельничном комбинате им. Ленина, Глухоозерская ул., 1/3

** Калашниковские склады (хлебные амбары), построены в 1846–1849 гг. на Синопской (быв. Калашниковской) набережной, большинство из них снесено в начале 1960-х при постройке моста им. Александра Невского.

шла в четверг утром в поликлинику обратно. Вдруг невдалеке от мельницы [им.] Ленина, я заметила, [что] из снега развевается голубой, как мне показалось, флажок, неясное очертание фигуры, уже заносимой снегом, наполнило тревогой. Я подошла ближе, да, это она... моя вчерашняя незнакомка, в короткой жакетке, короткой юбке, в краснорыжих чулках, лежит уже замерзшая, как льдинка, значит, здесь вчера она упала, подняться не смогла и уснула, умерла одна.

Десятки людей прошли мимо и идут мимо, и пройдут мимо, и никто даже не удивляется, т. к. таких много.

А снег будет ее замечать, засыпать сперва понемногу, а потом и совсем похоронит.

1943 ГОД

Наступил 1943 год. В январе была прорвана блокада, разрушено вражеское кольцо вокруг нашего города. Это сразу сказалось на притоке продовольствия и на других условиях нашего быта.

Еще весной 1942 года, когда начал таять снег, началась очистка города от трупов*. Были обнаружены трупы погибших от холода и голода на панелях, на дорогах,

* 8 и 15 марта 1942 г. состоялся массовый субботник по очистке улиц, а 25 марта Ленгорисполком принял решение «О мобилизации населения в порядке трудовой повинности на работы по очистке дворов, улиц, площадей и набережных Ленинграда, согласно которому все трудоспособное население с 27 марта по 8 апреля было мобилизовано на очистку города. Работники законсервированных предприятий должны были работать 8 часов в день, действующих заводов и фабрик — 2 часа,

в пустых покинутых квартирах, в подворотнях. Их свозили на кладбище, где были вырыты глубокие траншеи и там захоранивали. Всю эту работу мы проделали своими силами. С тех пор в Ленинграде поддерживались обычные чистота и порядок.

А в 1943 году мы имели уже радио, вскоре было восстановлено трамвайное движение*. Очень долго не могли дать электричества в квартиры, но, в конце концов, и это наладилось, а также водопровод и канализация.

Но обстрелы мы еще долго переживали. Уходя, враг огрызался и старался нанести нам как можно больше чувствительных потерь.

Несмотря на такую тревожную обстановку, работа по восстановлению нашего завода и поликлиники не прекращалась.

ОБСТРЕЛ

Ясный, радостный день ранней осени. Небо голубое-голубое, пушистые облака медленно плывут по небесному простору, на ходу меняя свои очертания, принимая самые причудливые: вот это изображение льдины, на которой человек совершает свое сказочное путешествие, это контуры разбитого войною города, развалины высоких строений, занесенные снегом. Маленькое дуновение ветерка, и город, и льдины исчезают, и перед глазами несется стадо барашков беленьких и нежных. Сол-

домашние хозяйки и учащиеся — 6 часов. ЦГА СПб Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1422. Л. 163–164.

* Трамвайное движение было восстановлено с 15 апреля 1942 г. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1442. Л. 254.

нышко обливает своими бледными лучами ленинградское небо, высокий купол деревьев и крыши соседских домов. В открытое окно оно также врывается вместе с уличным шумом, редкими трамвайными звонками, гудком машины, мчащей на фронт, приказами командиров и говором людей.

Трах-та-та... раздается высоко в воздухе, и звук рассыпается, повторенный эхом на сотни осколков.

Обстрел.

Район подвергается обстрелу. «Движение по улице прекратить, населению укрыться» — трижды прозвучал приказ по радио. Но... на работу идти надо. Возможно, что в районе завода обстрела нет, жизнь там идет своим чередом. Администрация морщится и «косо смотрит» на не пришедших вовремя на работу, а то и закон от 26/VI* напомним.

Самое страшное на всем пути — это милиционер, который, если замечает вас, не пропустит, ничто не поможет — ни уговоры, ни просьбы, ни предъявление самых веских документов, [таких] как пропуск, разрешающий ходьбу во время «воздушной тревоги», обязательно запрячет в бомбоубежище.

Обстрел продолжается; итак, прежде всего не попасться на глаза милиции. Второе, пройти так, чтобы сохранить жизнь, надо идти так по необстреливаемой стороне, вернее, бежать в интервалах между разрывами снарядов, а в опасные моменты прятаться в глубине подъездов

* Речь идет об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий учреждений», согласно которому за прогул и самовольный уход с работы предусматривалась уголовная ответственность. К прогулу приравнивалось опоздание свыше 20 мин.

или под воротами. Третье, держаться все-таки не遠далеке от трамвайного пути, т. к., если не будет прямого попадания и не попортит трамвайный путь, то есть возможность хотя бы часть 12-ти километрового пути проехать в трамвае.

Самое приятное, когда выйдешь из зоны обстрела, а там уже можно шагать спокойно. Только изредка удавалось проехать на работу в трамвае туда и обратно, а в основном большую часть дороги шли пешком.

В ПОЛИКЛИНИКЕ 16/VII 1943 ГОДА *

Грохот разрыва и падающих не遠далеке осколков возвестил начало обстрела. Сразу же медработники и больные, находившиеся в кабинетах, вышли в коридор. Последним из своего кабинета вышел старый производственник д-р Гинко ** Лев Антонович. Не торопясь, старыми трясущимися руками сложил он истории болезни, спрятал в портфель чистые бланки больничных листов, представляющих собой некоторую ценность, и вышел с портфелем из кабинета.

В следующий момент сильный взрыв потряс все здание. Снесены снарядами оставшиеся от предыдущего обстрела две колонны подъезда. Эти старинные украшения вторично спасли внутренность здания, приняв на себя удар. Как опустошительный смерч пронесся по трем кабинетам и регистратуре, перемешав кирпичи, обломки мебели,

* Так в тексте. По сводкам МПВО объекта (ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 11. Д., обстрела в этот день не было. Поликлиника пострадала в время обстрелов в декабре 1943 г. См. иллюстрации.

** В тексте Гинько.

стекло, штукатурку, медикаменты. Мелкая кирпичная розовая пыль забивала глаза, нос, противно хрустела на зубах. Не прошло еще и одной минуты, мы все еще не успели прийти в себя от пережитого, как в образовавшуюся громадную зияющую дыру в стене помещения регистратуры в первом этаже начали быстро впрыгивать бойцы МПВО с ломами, готовые откапывать засыпанных. Мы сделали перекличку и обнаружили, что среди медработников пострадавших не было. Больных в это время в поликлинике было мало, т. к. громадная часть населения была эвакуирована из Ленинграда. Больных, посетивших в этот день поликлинику, успели отвести в безопасное место, поэтому бойцов МПВО отпустили. Снаряды падали с короткими интервалами. Следующий снаряд попал между больницей и поликлиникой, вырвав кусок кирпичной стенки в одной из палат больницы, откуда только что были эвакуированы тяжелые больные. Третий снаряд попал в дрова, сложенные во дворе, четвертый в клумбу, V, VI, VII* на территорию под окнами хирургического кабинета поликлиники.

Еще в начале обстрела мы получили распоряжение в промежутках между двумя разрывами перейти в соседнее бомбоубежище и развернуть там подачу первой помощи, туда и перебежал весь медперсонал. В поликлинике осталась бригада из двух врачей и сестер для обслуживания случайно попавших к нам раненых. Но это могло быть именно случайно, т. к. всем видно было, что на этот раз объектом нападения фрица была медсанчасть.

Мы сидели в центре поликлиники в помещении, не имеющем окон. Под вторым этажом сидели все вместе и никак не могли рассредоточиться. Поликлиника нахо-

* Римскими цифрами обозначены снаряды.

дилась под ураганным обстрелом. Все здание потряслось от разрывов снарядов, уничтожены все стекла, вырвано много оконных рам. Осколки кирпича, пыль покрыли толстым слоем перевязочный стол в хирургическом кабинете, медикаменты, материал. В моем кабинете осколок снаряда, выбив стекло в окне, расколол толстое зеркальное стекло на письменном столе и телефонный аппарат. Пока не была прервана телефонная связь из райздравотдела, мне непрерывно звонила нервный инспектор и при каждом разрыве в ужасе мне кричала в телефонную трубку: «Прячьтесь, прячьтесь», не давая возможность мне спрятаться. Наконец, и эта связь прекратилась, выключился свет, прекратилась подача воды из водопровода. Ах! Какой чудный звук. Шум моторов наших бомбардировщиков. Они летят, крылатые воины, наши спасители, сейчас они заставят замолчать фрица. И у нас появляется надежда на спасение, на конец этого ужасного обстрела. И, в самом деле, через несколько минут объявили о прекращении обстрела.

В ОЧАГЕ ПОРАЖЕНИЯ

В порядке текущей работы по восстановлению санитарного состояния завода я направилась в цех*.

По дороге повстречалась с сотрудниками нашего завода, их было пять-шесть человек. Раскланялись и поулыбались друг другу.

В цеху я занялась текущей санитарной работой.

* Номер цеха не указан.

Вдруг раздался страшный грохот — разрыв снаряда и дробь осколков. Начальник цеха Скипский* выглянул в окно и определил, что снаряд упал близ поликлиники, и, не ожидая команды из штаба МПВО, он начал отдавать распоряжения по цеху. Я вскочила со стула и побежала к выходу, направляясь в поликлинику, куда я должна была прибыть по сигналу ВТ. Я была уже у двери, как вдруг резкий окрик Скипского заставил меня остановиться: «Ни с места, я Вам приказываю спрятаться в бомбоубежище». Возмущенная таким обращением я повернулась, чтобы ответить надлежащим образом. В это время второй снаряд упал в проходе у выхода из цеха. Страшный грохот раздался над самой головой, был вырван кусок кирпичной стены, пробоина в потолке, снесены двери, выбиты все стекла. Нас засыпало мелкою кирпичною пылью. Не останови меня Скипский, я была бы погребена под обломками. Но тов. Скипский вел себя как настоящий герой, ни один мускул не дрогнул на его лице и он все время оставался на своем посту.

Душераздирающий вопль раздался в цеху. От толпы бегущих в бомбоубежище людей (среди которых как-то оказалась и я) отделилось двое и бросились на крик. Вскоре в бомбоубежище, представляющее собой узкий коридор, запрятанный глубоко в землю со скамейками вдоль стен и с маленьким столиком в тупом конце, тускло освещенным фонарем «летучая мышь», начали поступать пострадавшие, из которых особенно опасное ранение было у молодой работницы Балибониной. Три раны нанес ей вражеский снаряд. Опасно было ранение в шею. Осколок попал около жизненно важных сосудов. Оказавшимся здесь бинтом и придачей раненой наиболее

* В тексте ошибочно Скибский.

выгодного положения, удалось остановить кровотечение, и все же в течение 2-х часов, пока длился обстрел и без риска для носильщиков носилок, нельзя было вынести пострадавшую, я сжимала ей v[enus] jugularis*. Затекали руки, немели пальцы, но забота о раненых помогла мне не замечать опасности нашего положения.

Много потерь принес нам этот обстрел, много было раненых и убитых! Погибли те сотрудники завода, которых повстречала по дороге в цех и с которыми раскланялась в последний раз. Первый снаряд убил их. Среди них была мама, которая оставила четырехлетнюю девочку.

Очень пострадало здание поликлиники: снесены две колонны, выбиты стекла, вырваны рамы, тяжелые двери выбиты. Груда обломков кирпича засыпала панель и дорогу. У здания больницы покалечен угол, вода бьет фонтаном из испорченного водопровода. Висят обрывки трамвайных проводов. Тяжелая картина.

*Врач Сергеева Ольга Александровна
1943 год*

ВЕСНА 1942 ГОДА

Наконец-то кончилась зима. Спасение оставшихся в живых ленинградцев произошло благодаря возобновлению связи с «большой землей». С наступлением весны улучшилась жизнь ленинградцев, увеличился хлебный паёк, регулярно привозили продукты, продуктовая карточка отоваривалась полностью.

* Яремная вена.

Дни стали длиннее и погода теплее, что позволило скинуть с себя лишние платки и пальто, опустить воротники, обчиститься, обмыться.

Беспокоило состояние наших улиц и дворов; мы знали, что под снегом погребено такое, что в теплую погоду может сделаться источником инфекции.

В это время пришёл приказ об очистке улиц, площадей, дворов от снега, мусора, нечистот и т. п. Наш завод тоже включился в эту работу. Ещё в конце зимы 1941/42 года была организована бригада по захоронению трупов людей, погибших от голода и холода*. Бригадой руководил молодой инженер.

У Преображенского кладбища была вырыты громадные траншеи и туда начали свозить трупы, сперва очистили наш знаменитый сарай, затем территорию от случайных трупов, оставшихся под снегом, а также с улиц и дворов.

Медицинским работникам для очистки были отведены поликлинический двор и сад. Здесь мы скололи лёд, очистили дорожки от снега, мусора и нечистот, которых накопилось немало, целые горы, местами доходившие до самой крыши двухэтажного здания.

Работали мы часа по 2–3 в день после окончания приёма больных в поликлинике, работали дружно. Вспоминаю один весёлый весенний день. На небе появилось

* Решение о наведении порядка на кладбищах было принято Ленгорисполкомом 25 декабря 1941 г. На совещании у директора завода 13 января 1942 г. было отмечено, что завод «полностью отвечает» за Преображенское кладбище и его санитарное состояние. По данным обзора о работе завода за шесть месяцев 1942 года, на кладбище работали «до 200 рабочих в течение 4 месяцев». ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 11. Д. 144. Л. 5. Обуховский завод. С. 230–231.

солнышко и белые пушистые облачка. Начал подтаивать снег и кое-где появились лужицы. На работу вышли всем составом поликлиники. Даже некоторые счастливые дамы приспособили к этой работе своих мужей в качестве рабсилы. Тяжелыми ломami скалывали лед и вмерзший в него мусор и нечистоты, а также снег, складывали на носилки и тачки и выносили в отведённое место. Было очень тяжело, но всё же таки как-то весело.

Между тем продолжалась эвакуация гражданского населения из Ленинграда. Уехать стало легче, чем зимою, не надо было идти пешком большую часть дороги. В это время многие работники, перенесшие с нами зиму, эвакуировались из Ленинграда, это были больные и имевшие детей, которые тоже перенесли ленинградскую зиму 41/42 года. Ушли студенты, работавшие у нас врачами, в институт учиться. В конце марта 1942 г. исчезла доктор А. Она была вообще человек замкнутый, не делилась своими впечатлениями и переживаниями. Эту зиму она пережила очень тяжело, пожалуй, ей было хуже, чем всем нам. Кроме койки в 23 кабинете у неё не было другого уголка, где бы она могла вымыться, вычиститься, переодеть белье, не было и близких людей. Поискали её, нигде не нашли; и, припомнив, что она собирала свои вещи, лежащие по разным квартирам у знакомых, решили, что она уехала. Уехала, не оставив даже записки.

Несмотря на отъезд многих сотрудников, надо было разворачивать поликлинику, придать ей культурный вид. Так как весна была уже в полном разгаре, открыли окна; сияли железные печки-временки, отчистили и вымыли своими силами от грязи и нечистот всю поликлинику; расставили мебель. Врачей рассадили по отдельным кабинетам. Узкие специалисты возобновили свои приёмы, ожили зубной, глазной, гинекологические кабинеты. Началась

регистрация больных, врачам вменили в обязанность записывать историю болезни, чего не делали зимою.

Снова начали давать больничные листы. Писать освобождение от работ на справках была запрещено.

АВИТАМИНОЗЫ И ЛЕЧЕНИЕ БЛОКАДНЫХ БОЛЕЗНЕЙ

В это время нам чаще всего приходилось иметь дело с авитаминозными больными. Были больные и дистрофией, но теперь она большею частью была осложненная и в сочетании с авитаминозами. Чаще всего и наиболее ярко выраженным был авитаминоз «С». Встречаться с ним и лечить приходилось врачам всех специальностей. Громадные язвы и подкожные инфильтраты, разрыхленные и кровоточащие десны с выпадающими зубами, заболевания внутренних органов, плевриты, воспаления суставов. Появилась пеллагра, этот авитаминоз «В» до войны мы почти не наблюдали. А теперь случаи пеллагры не составляли редкости. Больные эти обращались к нам большею частью по поводу поносов, но при тщательном осмотре оказывалось, что они не лишены и других «Д»*. Бывало и наоборот, мы наблюдали рабочего нашего завода Б. Он проявлял явные признаки дементности**, спутанности сознания и речи, а при дальнейшем наблюдении выяснялось, что у него пеллагра, т. к. был и дерма-

* Так в тексте, вероятно, речь идет о витамине «Д».

** Так в тексте, правильно — «деменции». Деменция была одним из симптомов пеллагры.

тит, и поносы. Соответствующее лечение и полноценное питание быстро излечили больного.

Появились поносы инфекционного происхождения, колиты и дизентерия. Истощенный вследствие перенесённого голода организм не мог бороться с инфекцией; вступал в свои права туберкулез.

Надо было лечить этих больных. Прежде всего, они нуждались в белках, их надо было откормить. Так как работа транспорта улучшилась и усилился приток продуктов, то появилась возможность открыть столовые усиленного питания*. Организация и наблюдение за столовыми были отданы в руки медицины — как мощный лечебный фактор. Надо было распределить пайки между наиболее нуждающимися истощенными. Это был уже активный метод лечения. В конце апреля 1942 года, числа с 23–25, открылась столовая усиленного питания в помещении фабрики-кухни нашего завода — столовая ИТР. Мы получили 900 пайков. Но, несмотря на эту большую цифру, все-таки удовлетворить всех нуждающихся было невозможно. Была создана комиссия по отбору на питание под председательством главного врача. Я в этой комиссии работала как терапевт. К работе были привлечены представитель заводского комитета и представитель из райсовета. Заседания происходили в 1-м кабинете. Начиналось оно обычно часов в 10 утра, продолжалось до 2 часов дня, с 2 до 3 обеденный перерыв, и опять заседание — неограниченное количество часов, до тех пор, пока не будет

* В апреле 1942 г. вместо стационаров были организованы 153 столовых усиленного питания, 89 из них «закрытых», находящихся на территории заводов, фабрик и учреждений. Питание в этих столовых производилось по повышенным нормам. Ленинград в осаде. Сборник документов. СПб., 1995. С. 266.

набрано на питание необходимое количество больных. А нам давали задание отобрать к 1 мая 500 человек, дать в течение 2 дней добавочно 200 человек и так далее. В первую очередь мы направили в столовую всех длительное время находящихся на больничных листах с диагнозами: дистрофия, авитаминозы. Затем начали просматривать народ, присланный нам из цехов по спискам начальника цеха и цехового комитета.

Желающих попасть на питание было так много, что наши гостиные не могли вместить всех ожидающих. Публика стояла толпою, рвались в двери 1-го кабинета. Диспетчер и санитарки, обслуживающие кабинет, с трудом поддерживали порядок. Случаи отказа бывали редко, т. к. не нуждающихся, в первую очередь в питании, было мало. Порядок работы был такой: врач осматривал больного тут же при всей комиссии и делал свои заключения, а представитель завкома делал заключение относительно материального состояния и ценности данного работника для завода. Окончательное слово было за главным врачом, который и накладывал свою резолюцию.

Какая галерея истощенных, дистрофиков, авитаминозных, малокровных, грязных, плохо одетых, потрепанных. Многие плакали, рассказывая о своих несчастьях, о потере близких и родных, умерших от голода. Нам приходилось не только отбирать на питание, но уговаривать помыться, снять веревку, которой у многих дистрофиков было подпоясано пальто, приходилось утешать, ободрять, вселять надежду на лучшее будущее. Помню, одному особенно ослабшему рабочему я сказала: «Нельзя плакать, сегодня по радио передавали распоряжение, что в Ленинграде плакать запрещено!». Не знаю, поверил он или нет, но получив направление на усиленное питание, ушел успокоенный. Вообще, больные дис-

трофики дементны, отличаются покорностью, не обидчивы и очень доверчивы.

Развернуто усиленное питание было в столовой ИТР. Работники столовой приготовились к приему посетителей. Хотелось, чтобы все было культурно, не похоже на зиму 41/42 года. Помещение было вычищено, убрано, на окна повесили марлевые занавески. Столики накрыли новыми клеенками и чистыми скатертями, расставили кое-где пальмы. Организовали вешалку, умывальники, заставили больных снимать верхнее платье. Открыли кабинет врача, снабдили его необходимым инвентарем: весы, аппарат для измерения артериального давления, для измерения гемоглобина и РОЭ. Отсюда снабжали мы больных сульфидином, соляной кислотой, пилюлями Блауди*. За обедом один раз в день давали всем соляную кислоту. Питающиеся, сдав свои продкарточки и посуду, приходили в чистую, уютную столовую, получали трехразовое питание, сытное и вкусно приготовленное. Уже через несколько дней после начала питания мы слышали очень хорошие отзывы больных. «Несколько дней поплаталась в столовой и начала палку забывать», — больная Козырева А. «Спасибо Советской власти и организаторам усиленного питания на нашем заводе, я была трупом и стала опять человеком», — товарищ Васильева, цех № 36. «Столовая усиленного питания спасла меня от смерти», — больной В. Мы видели, как люди постепенно восстанавливали свои силы и здоровье. Такие всем известные люди на нашем заводе, безусловно, были бы потерянны, если бы вовремя не были открыты столовые усиленного питания.

* Указанные пилюли, содержащие препараты железа, использовались при малокровии.

Это товарищи* Анкундинов, Певзнер, Талкин, Беляев, Сахаров, Легков, Кушнарев и т. д.

Кроме обычных блюд в столовой, мы давали больным витамин С, приготовленный из хвои на заводе «Вена»**; но большого успеха он не имел, и много пользы от него я не видела, может быть потому, что выдавался он не в первый день изготовления, а много позже, и терял свои целебные свойства. Многие жизни поддержала и здоровье многих людей сохранила эта столовая. Рабочие наши поправили свое здоровье и приобрели новые силы. Завод начал работать по своему профилю и вскоре получил переходящее Красное Знамя.

Сергеева О. А.

ЦГА СПб. Ф. 9631. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–35. Рукописный текст.

* Фамилии написаны на обороте листа.

** Речь идет о пивоваренном заводе «Вена», пр-кт Крупской, 23.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

О.А. Сергеева, слушательница Петроградского
женского института. 2 ноября 1916 г.
ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 7968. Л. 10.

рождавшихся, за 1898 годъ.

Место и фамилия родившихся	Кто совершил крещение и крестные	Подпись священника и свидетелей
Сергей Александр Петрович сын Василия Павловича Попкова и Александры Петровны Попковой	Протоиерей Александр Петрович сын М. Кашинский	Протоиерей Александр Петрович Кашинский

Выписка из метрической
книги о рождении Сергеевой
Ольги.
ЦГИА СПб. Ф. 436.
Оп. 1. Д. 13557. Л. 3 об.

Жизнеописание.

Я родилась в городе Петрограде. Очень мой сирота
 в одной комнате комнаты, а все время от рождения
 в переезде, так как есть и моя мать; так как я была
 и все время вращивалась в среде природы или даже
 дождливой. Все это время до поступления в гимназию
 жила дома. Уже с пяти лет очень много любившая
 заниматься было очень много читать детских.
 В пять лет я поступила в гимназию в прироста-
 тельной школе. Там же я довольно хорошо. Все это
 время я жила в Петрограде, только иногда в
 отъездах на дачу, а дача моя была в лесной
 подмосковной деревне. Там же я поступила в гимназию.
 Местными же очень хорошо сестрой моей
 мамой. В 1915 году поступила на службу
 в Петроградскую военную комиссию, в то же
 время училась в IV классе гимназии. Впоследствии
 была окончила военный класс и вступила в
 службу на должность эконома.

После поступления в Медицинскую гимназию
 учиться у меня уже было, но тогда это было
 сильно и тяжело. Там же я совершенно самостоятельно
 окончила и свою дипломную работу, считая по
 окончании из своего класса в медицинском классе,
 преподающим много труда и любви к предмету.

Ольга Александровна Сергеева

Главное здание Петроградского женского института.
Фотография К. Булла. Конец 19 в.

Прошение О. А. Сергеевой в коллегия
Петроградского почтамта о приеме на работу. 1919 г.
ЦГА СПб. Ф. 947. Оп. 1. Д. 8363. Л. 1.

О. А. Сергеева,
студентка Петроградского
медицинского института.
[1922/23 г.]
ЦГИА СПб.
Ф. 436. Оп. 1. Д. 7969. Л. 13.

Запись (зачетная
книжка) О. А. Сергеевой,
слушательницы
Петроградского
медицинского. 1922/23 г.
ЦГИА СПб. Ф. 436.
Оп. 1. Д. 7968. Л. 2.

Регистрационная карта квалифицированного медперсонала.

1. Фамилия, имя и отчество (по документу, удостоверяющему медицинское звание) *Сергеева Александра Александровна*
2. Год рождения *1898*
3. Медицинское звание *Врач*
4. Каким учреждением и когда именно удостоен медицинское звание *Центральной комиссией Гигиены 1923 г.*
5. Документ, удостоверяющий медицинское звание (откуда, когда, каким учреждением и за каким номером выдан документ) *Удостоверение Минздрава Тос. Центр. Мед. Комиссии Гигиены 1923 г. за № 226/10489*
6. Специальность *Гинекология и акушерство*

Подпись лица, дающего сведения

Сергеева О. А.

М. П.

Подпись ответственного лица Центрального органа, удостоверяющего правильность сведений

Дополнительные сведения:

7. Занимаемые должности с указанием адресов по каждому месту службы:
 - а) основная *Заставка в г. Ленинград, ул. Звонкая*
 - б) по совместительству (с указанием по каждому совместительству получаемого оклада полностью или частью, т. е. 1/2, 1/3, 1/4 и т. д.)

8. Местожительство *Ленинградская ул. 9. 22 кв. 11*

9. Партийность *Член партии*

10. Семейное положение *Земля*

11. Состоит ли Членом Союза "Исходоликосантру" и с какого времени *нет*

Подпись лица, дающего сведения

Сергеева О. А.

Примечание 1. Акт, записки, свидетельства, подписанные непосредственно Наркомздраву (или: Дорларавотделу, Водный Транспорт и др.) после и. 6 подписывается ответственным лицом центрального органа, удостоверяющего правильность сведений с приложением печати учреждения.

Примечание 2. Лица, не давшие точных и полных сведений о себе и о всех занимаемых должностях, будут привлечены к ответственности по 118 ст. Уголовного Кодекса.

Удостоверение от *17 ноября 1923 г.* за № *8548*

Получил (подпись)

17 ноября 1923 г.

Сергеева О. А.

СПИСОК

Лист, пронумерованный в надписи № 10

SARDINES, AND OTHERS:	By mail correspondence	Gifts received or written on longlines
	Specimens, specimens and measurements	Specimens
1. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1881	
2. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1882	
3. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1883	
4. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1884	
5. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1885	
6. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1886	
7. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1887	
8. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1888	
9. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1889	
10. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1890	
11. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1891	
12. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1892	
13. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1893	
14. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1894	
15. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1895	
16. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1896	
17. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1897	
18. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1898	
19. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1899	
20. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1900	
21. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1901	
22. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1902	
23. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1903	
24. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1904	
25. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1905	
26. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1906	
27. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1907	
28. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1908	
29. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1909	
30. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1910	
31. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1911	
32. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1912	
33. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1913	
34. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1914	
35. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1915	
36. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1916	
37. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1917	
38. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1918	
39. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1919	
40. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1920	
41. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1921	
42. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1922	
43. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1923	
44. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1924	
45. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1925	
46. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1926	
47. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1927	
48. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1928	
49. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1929	
50. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1930	
51. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1931	
52. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1932	
53. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1933	
54. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1934	
55. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1935	
56. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1936	
57. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1937	
58. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1938	
59. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1939	
60. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1940	
61. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1941	
62. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1942	
63. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1943	
64. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1944	
65. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1945	
66. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1946	
67. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1947	
68. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1948	
69. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1949	
70. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1950	
71. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1951	
72. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1952	
73. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1953	
74. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1954	
75. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1955	
76. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1956	
77. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1957	
78. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1958	
79. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1959	
80. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1960	
81. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1961	
82. <i>Paralichthys oblongus</i> (Forsk.)	1962	

не рожденик Великий	да Врач. жено вар к/дога		Мит. С. С. С. С. С. 1917
не рожденик	да инго д/го С. С. С. С. С. Врач. жено		Мит. С. С. С. С. С. 1917

Выписка из
книги дома 1.
р. Фонтанки о г.
О. А. Сергеево

Выписка из домовой
книги дома 127 по наб.
р. Фонтанки о проживании
О. А. Сергеевой. [1923] —
1934 гг.
ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 136.
Д. 3458. Л. 1, 29, 161.

всего отечественного населения доблестно
карали с указанием виновности
рад и в целях развития и укрепления
Олимпийского духа в народе.

26/10/1944

McLaney

И Наг Кинь иаборансирити сравад вно-
рависити н таток с дунсаганни

Распоряжение
директора завода
«Большевик»
о производстве
патоки. 26 декабря
1941 г.
ЦГА СПб. Ф. 1275.
Оп. 12. Д. 937.
Л. 12, 12об.

Срок хранения на 2-й акт	4
" " " на 3-й акт	12
" " " на 11 "	12
" " " на 17 акт	12
" " " на 17 акт	12

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY - 1

References

Discussion:

* JOURNAL FOR THE YEAR
PUBLISHED

[illegible]

Отчет о работе
поликлиники завода
№ 232 за ноябрь
1942 г.
ЦГА СПб. Ф. 1275.
Оп. 12. Д. 960.
Л. 1, 1об.

В гев № 20

10.8.43

1780

143
Сек. секретаря.

ЛОСОВЕ ДОКЛАДЫ

Орден. Лесная 00° елка в 22х с артиллерийском обстреле вражеской артиллерией 9 ИЮН. 1943 года.

1. 9.11.42 в период с 12 час. 12 мин. до 16 час. 34 мин. до обстрел 60° елка подверглась артиллерийскому обстрелу. Зафиксировано 43 разрыва снарядов фугатного и бронебойного действия. Из них на территории вала и над валами 15. Наблюдатель фугатных снарядов 210 м/м.

2. Характеристики повреждения и разрушения:

1. Повреждена вала. Прямые попадания снаряда разрушили две колонны и 20 кв. м. стены.

2. Разрушено кровля - 40 кв. м.

3. Обрушено до 30 кв. м. худосотенных стенных потолков.

4. Разбито до 150 кв. м. стекла.

11. Цех № 9. Фугатный снаряд разорвался у входа в цех № 9.

Разрушена кровля - 15 кв. м. Изрушена и частично приоткрыта. Обрушено. Разбито стекла 100 кв. м. В прилегающих валах цеха № 40 /150 и валах цеха № 40 /150 в окнах и чердаках 400 кв. м. Основания повреждены 40 штук разбитых головных труб.

111. Цех № 40. /незавершенный/.

1. Сила фугатного снаряда разорвался у брусчатого вала. Повреждено 2 кв. м. стены, разрушено - 10 установленных рд, разрушено и сорвано кровля до 600 кв. м.

2. Отрыв снарядом разорванного в цеху разрушены две фугатных валах плиты 40 кв. м. Разбито стекла в окнах и чердаках 900 кв. м. Разбиты не только в цеху № 10 территории участка. Обрушены повреждены несколько плиток рд и прямые снаряды.

17. Прямые попадания фугатных снарядов в кладовую № 100. Повреждение и испорчено ряд трещинных материалов и конструкций, установленные количество не. Предотвращено повреждение до повреждения конструкций, которая будет произведена в 8-х днищах орен. Разрушено и кв. м. стены, пробиты перегородки и повреждены ряд путей балок из под кладовых.

У. Прямые попадания в здания ЛОС'а разрушены и повреждены до 15 кв. м. стены.

VI. Вальница вала. Повреждены снаряды у валах валах:

1. Повреждение водопроводных сетей.

2. Повреждение фундаментов валах.

10.8.43
1780

193 об.

3. Выбито до 400 кв.м. стекла.

VII. Бугорный снаряд разорвался на проспекте Обуховской Обороны у дома № 48. Разорвало до 10 кв.м. стены, образовался переборки и петляки обода площадью до 100 кв.м. Разрушены четыре квартиры с имуществом.

VIII. Остальные снаряды разорвались на незастроенном территории завода.

Пострадавших на заводе 3 человека из них:

Два тяжело ранены и один легло.

Пострадавшие:

1. ПЕЧЕНКОВ Вера Андреевна, Начальник службы управления МПЗО, тяжело окоченев ранение в область живота и правую лодыжку.
2. БОСОВСКИНА Елена Григорьевна, машинист цеха № 49, сильное ожоговое ранение лев и правого плечевого суставов.
3. ПЕЧЕНКОВ Вера Андреевна, машинист цеха № 49, повреждена правая нога, голова, левый плечевой сустав.

Надбомбу-бомб объекту взорвано пещера. Бомба с чадрыком. /трое пострадавших с завода и трое поступили с проспекта/. Личная система работавшая сзади пещеры в убойно-уничтожил с помощью резерва первого снаряда до отбоя, а результаты взрыва пещеры дымом заводу отключили электроснабжение, а результаты взрыва пещеры утром протекли в лодочных устремлении мартовской пещеры, ввиду обстрела вынуждены плавать на пещере, где восторжен.

На ликвидацию последствий работами объектами подразделения, в пещере обстрела, где отделение ликвидировано на резерве завода. пещеры, где под обстрелом предполагается пострадавшие и над-Сем. отделение на эвакуации пещеры и над-Сем. резерва отбоя.

Начальник объекта МПЗО:

/ПОСЫЛ /.

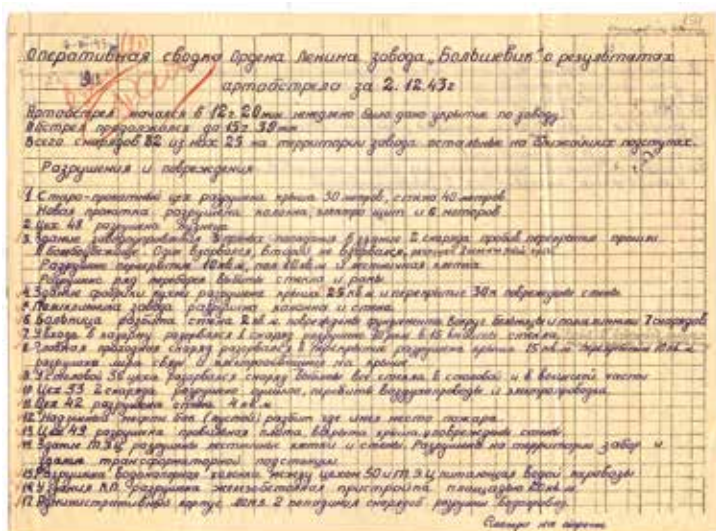
Зем. директора завода по МПЗО:

/ПОСЫЛ /.

Боевое донесение об артиллерийском обстреле завода и попадании в здание поликлиники 9 ноября 1943 г.
ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 11. Д. 173. Л. 143, 143 об.

Разрушенный цех завода. 1943 г.
ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 11. Д. 173. Л. 41.

Из оперативной сводки об артиллерийском обстреле завода
2 декабря 1943 г.
ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 11. Д. 173. Л. 154.

2

Заполнять четко и обязательно чернилами.

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА

представляемого к вручению медали „За оборону Ленинграда“

1. Фамилия Сергеева
2. Имя и отчество Ольга Александровна
3. Пол жен
4. Год рождения 1899
5. Партийность б/п
6. Национальность Русская
7. Место работы и занимаемая должность 3-я Баловшевн. Психиатрич. Вроч.
8. Домашний адрес 2-я Советская д. 24 кв. 7

Медаль вручена 9-го Мая 1943 г.

№ удостоверения к медали А-47327

Л И Т Н

Зам.нач. МСС МПВО завода, принимала активное участие в противозпидимич. работе на заводе и участвовала активно в оказании мед.помощи раненым бойцам и населению города.

Личная карточка представленной к награждению медалью «За оборону Ленинграда» О. А. Сергеевой и наградная характеристика.
ЦГА СПб Ф. 7384. Оп. 38. Д. 49. Л. 64 об.

**ФОТОКОПИЯ ВОСПОМИНАНИЙ
О.А. СЕРГЕЕВОЙ**

90

Политическая сессия 232
в Бомбей.

Июль 1941/42 года

Заместитель г-на Верма Г. А.
Брат политическая сессия 232

Налого:
Копию

Автобиография

Врача-психоневролога Сергеевич
Альби Александрович.

Родился в Ленинграде в 1898 году.
Детство у меня было очень хорошее.
Отец работал ассистентом в лаборатории.
Мать хозяйничала дома, и в то
мое старшее время и в то же время сестра
всегда была вместе с родителями.
А так как родители мои отличались
бескорыстием и добротой, то мы всегда
были в атмосфере сдержанности, уютности
и спокойствия. Дома у нас всегда
было много книг; классики: Пушкин,
Лермонтов, Толстой, Гонимый, и другие.
и прочие. Читали и изучали с
десяти лет, но уже с детства в доме
пошли: сестра была уже шестилетней
и мама ее учила читать,
и я сидела за столом и читала
и сама научилась читать, но в то
время. Некоторое время взрослые
еще не замечали, но потом один
эпизодический обратил внимание, что
я не так держу книгу; показала,
как надо и я сразу переучилась.
Первое произведение, которое я
прочитала самостоятельно были
сказки Пушкина "Орбис и робин".
Потом были и "Цыганский" и

и Ахсанов и повести Чарехой и романы и рассказы по французскому "Нила" и "Родина". Поэтому, не удивительно, что, будучи в 3^{ей} классе местной грекской гимназии Кушгерской, куда я поступила в старший приютиловский класс, я из "поу-поу" прочитала "Ама" Кушгерина, которая сильно подействовала на мое детское воображение, почти так же сильно, как "Рассказ о семи повстанцах". Об этих двух произведениях разговаривали старшие классы между собой, но в магалы, т.е. в школы, куда, которые давали прочитать мне эти книги.

Чтение и разговор близким помогли мне рано разбираться в некоторых явлениях жизни. Так мне маленько деловую всегда удивляло то, что помещик на лобзании несет на спине себе гонимого, а рядом идет молодой мурзика, хозяин гонимого и лезет, поет, кричит, просит, то прощай. Думаю, что в продолжение с отцом много Ахсановского замка (это была тюрьма близ магалы, или вольные узники казались "покемторески", а мне об этом, что я упрямое, что здесь сенат, подвергают мучениям, наказаниям людей, они не могут замкнуться, а упрямое распростились

и когича „сама не слас“, кк сообраба;
 маи. Ђо намаи даре дупекула
 палу, зарем он ми не ео ризикесу.
 Но Ђина екази, то, когичи-иубо и
 не рило дучина урнато не еорони
 фими. Неубиселми внагичини
 провелеи на мије собитини и
 Монавскато локзани, тогда Николаевско
 на темеро Знаменскато пидицаи в 1905 году
 Мо локими по локзани, возбрауаеи
 локзани из Колпино куда езуми
 воефи по емурено кибиво-то пидицаи.
 Все илоуаеи Ђина сопуриена
 еуродои, вт миеса пидицаи бур-
 ми и локнова ласе; Мо
 нагачи профискиаеи ереди
 модет, ф-к локими пидицаи к кибие.
 Видуице и лок родителеи не знаи
 почему собрание еурои кибиво.
 Вурур разданаеи коменда и в локими
 везаеице казачи на локимет
 саблеи на голо; и нагачи локимет
 саблеи. Покимичаеи отони и крики,
 кк будто би модет рудки и Токими
 коибии. Мо в томе ерику поф-
 рии мику и сестру; нити они
 разеуриели, френко дедиреи ми
 ии рудку; ми ми кибиво голои;
 нити немошно јас пофисеи кибии
 полозика, но они не еали офкаеице
 ми локимет не офкаеице — вудно Ђина
 еибисеука. Около голои ми вудеи-
 ми мику и сестру; они токе ми немои.

В детстве мне несколько раз
водили в театр; вспоминаю "Релиор"
и "Недоросль" в Александринке, театры
т. им. Пушкина в Ленинском ар-
теистов Вахтангова, Давидова, Горю-
ховича, Савиной и др. В последние
времена у нас прекрасное театро,
замечательные, талантливые артисты,
но все же эта наша спектаклей я
никогда не забуду.

Тяжело и хлопотно в 1916 году в
законодательство и в этом же
году были приняты в Медицинский
Институт. Была такая мысль. Почему
я пошел в Медицинский. Особого
призвания у меня не было. Но я
хотел знать, в области
физиологии и патологии человека;
и впоследствии закончил медицину.

В это время отец очень болел,
попытался работать, постигнул на
другую сторону жизни, много, ма-
териально стало значительно
хуже, но мир и спокойствие в нашей
семье были прекрасны. В 1916 году
отец умер. Я получил стипендию
им. Великого Звезда в год; но посто-
янно из только один год, ф-к
когда началась революция, ее ликви-
дировали.

Не смогла не то, что я хотел заниматься
в культурной семье, где увлекали
музыку, не увлекали спортом и природой.

еще любимым мессенджером, любимым штабом,
 говорим о прочтении, когда на-
 селась революция, в ботинках, как ели
 котлеты, а не понимали всей значимости
 событий и величия происходившего,
 а также не понимали, что озна-
 чает слово "социализм". Это в ботинках
 менял же, как и многие юности и
 девушки моего возраста того времени.
 Но за себя я в ботинках чувствую
 себя старшим товарищем по
 инстинкту, с которыми мне пока-
 ронили отнюдь некую и, которые при-
 влекли меня к "работе". На Том
 курсе я ботинки довольно активно
 читал и мне повезло с "Крестьян".
 Я всегда передавал записки, если
 кому-то хотелось мне будет зада-
 вать вопросы. Иногда они и ботинки.
 Я записывал не только адрес и
 адрес к товарищам, но и о собраниях, или об отмене,
 при чем мне очень, как я должен
 себе вести, чтобы не привлекать вни-
 мания к себе. Вспоминаю одну из
 встреч из за город с Риком за-
 чинаю, а затем и, что за мной сле-
 дуют мужчины в студенческой форме.
 Он стал недалеко от меня на
 платформе, когда я садился в
 поезд, прощаюсь с ним в котором
 я сидел и очень мне за много
 но

по приглашению у Филипповского Лог-
сана. Я так измучался, что лежал
в кровати на спине ходу.
Теперь я думаю, что это не был инстинкт;
уже очень давно было открыто, что такое
мучо.

Начиная с 1917 года жизнь стала
очень трудно. Аудитором не оказы-
вался, в лабораториях ходил;
замороженными руками. Тогда. Пролетарий
вызывает редко. К тому же "не было
хотения". Пришло на время
просить Искитин и начать рабо-
ту. Летом я работал в студен-
ческой сельскохозяйственной службе
под Лугой. Затем устроился кве-
строном в том же учреждении. Там
заключили соглашение между собой и
увольнением меня просить работу,
выражаясь в Искитин. Я и
сам хотел того, но наемники
потребовали огромные деньги. Я не от-
казался, хотя и не хотел, что
я был очень ценным работником.
Наконец я ушел самовольно; пере-
стали работать на работу; а
когда я пришел за расчетом, то
меня пригласили в Комиссию
по борьбе с саботажом и контр-
революцией. Меня взяли в большую
областную группу медико-ком-
плекса, а к этому времени уже
с Ливановым. Я его считал, долго и

мне здесь сидеть, а он мне
 отлетит, что с собой не рас-
 полагался. Тогда я перестал
 заниматься и сидеть онемело.
 Чуть чуть 1 1/2 лет лежал на
 кровати и Инстинкт и узнал, что
 я не сижу, а устроился. Окончил
 медицинский Институт
 в 1923 году. С тех пор работаю;
 сам не было никакой работы, го-
 товился бездельно. До 1934 года я
 работал устным врачом на
 Дагестанской железной дороге, ове-
 щивая сельскую местность.
 В 1934 году я поступил на службу
 в больницу врачом-терапевтом.
 С первых дней Великой Отечественной
 войны в июне 1941 года мне офи-
 циально в медицинскую Вра-
 чебную комиссию при Сталинском
 военном госпитале, где я
 работал по отбору больных на
 фронт. Когда начался острый
 недостаток кадровые врачи
 были, мне откомандировали
 обратно на службу. В декабре 1941.
 в том же направлении на службу.
 Здесь я видел и пережил все
 ужасы дикарских войн, при
 этом пополнил свой запас знаний и
 приобрел навыки. В 1943 году мне
 назначили врачом в госпиталь
 (7) сформированной у себя и

400
пробавяна или написати змисли о
близке, што поминам, аго как
појетим. што знамим он појетим из
Ратиски парти. Просматрех
наши пробаве работи, он леб-
реш мене и појетим мене напи-
сати. Ли што е знам, аго поминам
о близке, ле правду, ле как
бисо е действителности. Не нечим
в писани, н-а на што ерм бисо
освободуна от леа работи.

До поминам вель интересни ерм
земисани, појетим на не сабоде,
и е Ратиски. На сабоде на ерм-
етим ерм ерм ерм на ерм ерм,
по мене нечим и ерм ерм ерм.
И ерм ерм ерм ерм ерм ерм.

Всё, што написано ерм земисан-со-
временна правду, ле е видим ерм
писани.

В 1948 году с из поминим сабоде ерм
и сабоде ерм ерм ерм ерм. Ерм
еерм, ерм ерм ерм ерм ерм.

С 1954 году с на нечим.

Взр Сербин Олга Анисандр

15. Вукар
1963 год.

Глава I

5

Полкишики в конце 1941 года

9/хв 1941 года, получив откомандированные документы, я возвращался на завод в Военной службе. Простояв на Трансвайнской остановке, около переносимого народом, но не движущегося трамвая, и основательно промерзнув, так как мороз в эту зиму 41-42 г. был морозный, я вместе с другими работниками нашего завода решилась издать приказ - разбегание приблизительно в двенадцать километров. Людей много; никто не соблюдал правил уличного движения; или не только по нашим, но и по дороге и по Трансвайнской путям; некоторые заигрались, не отдавая себе отчета в происхождении, вorganic на отсутствие транспорта, на "неумолимую работу транзитников".

С этого дня по нашей трассе прекратилось pravidelnoe движение и безразличное вагoн, так и оставалось стоять на заморозившем снегом pravidelnoe пути.

Завод наш в это время еще работал.

Полкишики, которые при директоре м.л. Устиновом были любимыми детьми завода, продолжали в первую очередь обеспечивать тепло и свет и

при приеме же Гейнхола, директора
Вологского.

Но внешний вид помещений очень
изменился. Снаружи окна были за-
деланы уродливым деревянным ин-
струментом и заслонены садовыми пелю-
сками. Внутри окна были заделаны синей
бумагой и черными шторами.

Дневной свет внутри помещений за-
дания не проникал и работники при-
ходилось с искусственным освеще-
нием, которое у нас еще было до
начала 1942 года. В кабинетах было
тепло, работали водопровод, отопление
и радио.

Между тем, как в городе в это
время была еще совершенно
отсутствовала картина. Ленинград был
погружен в темноту — не было све-
тового освещения, перестали
работать водопровод, чтобы добыть
воду, надо было идти на келью и до-
стоять воду. Воду везли на длинной
веревке прямо из колодца, или
погружено было достать воду из длин-
ного колодца, но там вода была
маленькая не теплая и пользоваться
ей было рискованно. Коммунальные
совершенно разрушились, вода не могла
нормально расти под окнами и у
подъезда домов. Пошла в город
не было. Темнота продолжалась ста-
нциями людьми приемы и угнетения.

Наконец перестало работать радио;
гудки замкнулись.

Вернувшись в поликлинику, я
нашел в ней много изменений; в
начале войны пришлось закрыть
рентгеновский кабинет, б-к всепер-
сона, обслуживающий его, был призван
в Красную Армию.

Не работала душ.

Многие товарищи я не встретил;
ушли в Красную Армию хирурги
Филецкий, Богданов, зубной врач
Зарубинский, многие медсестры.

Я был в парикмахерском отделе
д-р Никитин. Закрыв кабинет
дерматолог Филецкий
переквалифицировался на работу хирурга
и вскоре возглавил весь хи-
рургический персонал и заведе-
ние в целом во время отсутствия
Богданова.

Глава II. Дисциплина.

В это время уже наблюдалось
увеличение количества больных.

Тяжелые и острые случаи транспорта
уже свозились на загородные
наши участки. Появились
больные нейрозомы, обесценившие
судебный иммунитет, кожные
и венерические; больные обесценившие;

Боковые одеждопрения и Трени, как
цукки, промывающие водой. Все
они отмирающие отсуществующие
подкожной клетчаткой, сизадамо-
зерками безразличиям глаз.
Веществом поразения суетов
и мизу, показуя у нас суета-
лаз не уверенной безразличной
покою. Внутренний быт был утасен.
Многие префре кудомизации
и мейонимские мочи, пере-
стали мизуны, даже перефран
умолаивает: Лицо, погори, не
были зерне от коноши;
сухие коври дача мизу
стареем, неузнаваемым.
Идем такой человек, безразлич
премью несомненною в коноши
сущности, козу, в непонимании,
понометной полаго, обязательно
подполем веревкой или ремнем,
на голове мизуны-ушеника; безразлич
брод, в безразличной руке димити
нашам, на мизу веревка, или ко-
торой балтаем как-нибудь
поудина или мизуны портфеля.
"Дистрофия" - некаям прогно при-
стало к сфот несомненно сригуде
Такие мочи приходя к нам
за помощью. Многие не могли
идти сами; на привозим на
детские саночки, прикрывая
одеждами и мизуны. Все сфот

люди там, если, еще ползи к нам,
много очень изданы в ожидании
помощи, т.е. куда.

Поехавшее покое слово в нем
лексиконе и почти дварно в
большинстве мест: диспропорции.

Начинаю с этого времени, а заде-
тели что осуществляют такие
заболевания, как грипп, сыпь, су-
щественной ревматизм. Очень многие
больные преобладают не только,
но и к тому же это были адими-
геские понос. Они производят
удручающее впечатление на не-
дугу больного. Вспоминаю одну
молодую девушку, работницу нашего
завода, которая плала умоляла
спасти ее от смерти, так она
знала, что если начнется понос,
то вскоре придет и смерть.

Антони не работал.

Девушке этой я дала совет
пожить. Через несколько дней
она пришла ко мне просясь,
готовясь, понос прекратился, дево-
чка отравилась в эвакуацию.
В начале января 1942 года состояние
нашей поликлиники резко ухудшилось.

Перестало работать центральное
отопление, водопровод, канализация
прекратилась почти полностью.
Мы перешли на освещение "котли-
нами", свечами и фонарями.

В некоторые кабинеты посылали
 временные ком- "бухгалтеры".
 Между тем комитетом болшая все
 увеличивалось, болшими мещи
 для все выданы и выданы; за-
 тем они все были. Работодатели
 не присылали нам болшие болшими
 мещи; мы стали освобождать от
 работы, писав на выданы. В эту
 пору болшие не работав не выданы-
 сывались. Болшие была только
 по случаю смерти. Комитетом
 болшая настояла увеличилось,
 то терпеливо не могли выданы-
 литься с приемом, принятое при-
 нима к приему такая специализи-
 стов, главного, главного выданы, даже
 лекарь и лекарь.
 Принятое приспособилось к работе
 в помещении выданы света,
 тем и вод. Препод всего раску-
 порили одна; деревянные выданы
 разобраны на доски, песок раско-
 пали у олов; выданы, выданы
 мтор. Работами болшая в одну
 выданы свету. Были установлены
 ком- Препод в болших каби-
 нетах: 5, 13, 22, 23, 26. В 23 кабинете
 чужими отальную две выданы,
 ф-я выданы далеко от помещения
 мы не могли выданы воду выданы.
 Ответившие выданы выданы:
 разобраны олов выданы, выданы.

положенные мебели. Вроде в это время мы осуществили организованные поездки за грибами. Вспоминаю однажды в 12 часов ночи, когда мы были все еще в поезде, как разбудила акулини стиральщица и приказала на собрании Грб; мы лакомились елими деревянными ложками, деревянными забором, пилками, колодами и собранными в своем 23-м кабинете в углу и под толстыми, которые заботились нам крошечки.

Глава IV. Структура сна обучения.

Страннейшим образом происходил в кабинете 13, 22 и очень порочный снос в том кабинете, но его вскоре пришлось закрыть, так как там не было пера. В 13 и 22 кабинетах одновременно были прием 3-4 врача; на рабочие места чаще не были отпущены ширма или. Иногда у двери кабинета ставили стулья или самодержавия, которые возмущали больных: "вещи Андреевой", "в доктору Андреевой" и др. За дверями кабинета часто болтали конюшники людей; часто болтали было и куда; каждый хотел скорее пройти в кабинет и прийти. Очередные номера не было, да

и больше или с ними не стали
бы связываться. Так, у врача кабинета
образовалась галка, шум; иногда
мало воздуха давалось, не связывали
уменьшением воздуха. Обширно
при такой обстановке была
раздана стеномная часть угля
с 13^{ми} кабинета.

Кассета обдувалась воздухом
воту пору было чрезвычайно
низкое. Несмотря на наличие
перей, топилились 1-2-3 раза в день,
в кабинетах было очень холодно.
Врачи, сестры, санитарки рабо-
тали в пальто, шубах, ланче-
тах, шапках, плащах, на улице
полезе всей этой одежде чрезвычайно
холодно, спать было не было, а
преждевременно не работами по всему
городу. За стирку белья сестрами
образовалось, когда было записано 150-
200 граммов хлеба, а на это редко
кто мог рисковать.

Конечно в основном больные факты
не рассуждали, чтобы поощрять
на улучшение органов, да и больные
не претендовали на это 1 вид
чрезвычайно низкой то температуры,
где они находились. Если уже
крайней необходимости заставить
больного расстаться для тщательного
обследования, то приходилось его под-
ложить к перке, закрывать как-то

от посторонних глаз, вообще
масса хлопот.

Методики осмотра, не основанные
которым-либо научным, или
судебным: опытом, вернее опы-
том. Некоторые врачи практико-
вали так: вызвали сразу
4-5 больных, садили на 2 ряд
на кушетку и заставляли разуть
одну ногу, и ни основанном осмотре
одной ноги, делая свои заклю-
чения, и отметку в больничном листе.
Совсемно с критикой прием всем
студентам 4-го курса и только-то
окончившим школу медецины.
Всем изучающим медецину
Муря посели хорошею девушку
с особенным и докторским лече-
тельным приемом, но ей
конечно прикипало только внеш-
няя сторона этого дела. "Болезнь,
скажите кому откуды" спрашивает
Муря. "Болезнь, свое разумеется,
сестра некуда, следовательно ску-
жетости." "Болезнь, а все откуды,
ли доузнать, как можно меньше
жить! Следующий!" — Этого слы-
шав Муря не знала, и ни-ко
не удерживала ее познать. Что
покажет боленному от такого при-
ема? Отрицание его боленному
б.е. откуды в больничном листе.
Он также покажет результат

лекторство, но симфонию радостями с
переводом или любви не радостями;
если болоний и досталась лекторство,
то записано, он должен был еще
сам его написать, а уже этого
он должен был еще сделать на
Клеву за водород, и еще-то раздобыть
урок. Больше всего нашим боль-
ные были безпомощны в таком
отношении, и не случайно мно-
гого резюмь вудем вани-
онизации с чертой нешей по-
механики. Что поиграли мы
работники помехи от
такого приема? — Горький осадок
своего безвлияния: так хотелось
искоренить, забыть, успокоить
несчастных людей, но мы ничего
не могли сделать.

Позже, когда нам задал парен
вспомогательным работам из урессе-
на отилок, а вогенем нем
где подерживание пресни меу-
персонами и где лежене болонне
работы и сугрессивна намесо
забола, мы сугрессивне ее
переду нем болонне кугрессивне
болонне, намскаем кугрессивне
персони, по 50 нем по 100 грамм кугрессивне
одни емсо - 5 грам. Болонне доурун
болонне болонне ее кугрессивне
намсо немсо. Не знемо емсо - м
коро-мидуе работи от емсо,

но во всяком случае моральные
и физические и страдания
было велико — они видели каждую
заботу о себе, любимые.

Бывали такие случаи, когда
больные приходили ни при чем,
а жить уже не мог. Не хватало
сил и решимость идти семь-
десять километров до дому
внутреннюю, холодную, темную
кладовку. Больные предпочитали
оставаться у нас, надеясь, что
морем-богом здесь они получат
какую-нибудь помощь, и во всяком
случае будут не одни.

Тогда V — 22ой кабинет.

Прошел год. Многое многое прошло
и начинаем забываться.

Но запад смерти и тления
здесь чувствую при одном
вспоминании об этом месте.

Земь вот это удивительная за-
гадка, земля пересела, что-то
мрачное и злое, и парочка
счастливых криков, что-то у нас
не было так, как мы это видели
было на самом деле.

22ой кабинет — это большое место
на 60 комнат, и при этом много
маленьких, не имеющих
двухэтажного здания. В самом

Буквено одно одно, непонятно загра-
 нено итерой. Все овекиное ко-
 миссии тоном в полушарие. Ве-
 сером это помещение овекиное
 сформировано - именуем много. За сию
 победой к оному помещению десертны
 сестры и десертный брат. За сию
 сраженными столками происходить пере-
 пятываниями приносившие сию сию.
 Все овекиные помещения одно заодно
 кустами, на одно 7-8 штук. Буквено
 к оному помещению помещены пера-
 везенные - именуем тема.
 Сюда же из сию сию сию сию
 на сию. Буквено сию, по-
 рою не могли с сию сию сию
 кой, оставались сию на ку-
 шенках, конечно в сию сию сию,
 сию, сию, сию. Буквено
 сию. Что? Буквено из 22¹⁰ ка-
 бинета сию только в сию, а
 сию сию сию сию сию
 не сию сию сию. Буквено
 сию по сию сию сию сию,
 которая сию сию сию сию
 из 22¹⁰ кабинета, по сию сию сию
 кою открылись сию сию.
 Сюда приносили сию сию сию
 от сию, обмерзшие сию.
 Приносили из сию сию сию,
 из сию сию сию сию сию сию
 и сию сию сию сию сию сию
 которые сию сию сию сию сию

нагами в 22ой кабинет на посеще- 11
 ная. Приносили и книги на ку-
 шетки, а, когда на кушетках не
 хватало места, ставили на полу
 на посиделки. Гостившими пере-
 ступовали дежурные сестры;
 врач осматривал, выполняли скуд-
 ную историю болезни, писали
 подшивки и другие канцеляр-
 ские работы. Надо было много
 времени прилагать, чтобы сноби-
 ть страдающих грешкой или
 дать ему попить горячей воды.
 За водого водили дежурные сестры
 и санитарки один раз в день на
 Неву; с большим трудом при-
 возили полную бочку, устани-
 вляли ее в одной из комнат,
 примыкающих к 22ой кабинету,
 комнате. Там вода шла для
 мытья, умывания, и много для
 больных и уже было обеззарази-
 вавшего перед нами, который граф-
 ской грешкой поимки.
 Конечно при таких обстоятельствах
 много из грешок получали диагноз.
 Заод за большим был мазок.
 Если у больного не были повреждены
 пищеварительные органы, то
 сестры ходили ему за обедом,
 и для его грешки проводили
 на несколько часов. Перелили
 больного в свой одежде на

френской пушки, много по
неполю касал лодной позы,
мудре, бедные знефранцузне, много
трудно было обмолить гривого от
портвено. Когда межа в 22ой
кабинете не хватала, ни на пу-
шечку, ни на полу, бо себя
замороженую позы вносим на-
дожал в 17ой кабинет, который
сейчас не отапливался. Некофо-
рое заморозил тут-же; другие
еще несколько идеал френш.
Однажды, приехав дефурерго, я пошел
в 17ой кабинет посмотреть. Боялись,
и пиликнулось на следуюющую кар-
тину; на трех пушечках лежали
холодные перья, а посредине
комнаты на полу еще гривал
френцушка в полном сознании.
Он стоял страшно мерзко мерзко
покойничком для вешан, но не мог
дойти до смерти, обесил знамен. Ее
перенесли в 22ой кабинет, где она
лежала умерла.
Весь обмороженный переносил так
привлек и страдающего и сжогим
замороженую, что проявил неко-
торую тупость и руководящие,
а морет-было что происходило оттого,
что обмороженые были были ди-
строфичны, голодные, замороженые.
Когда места уже не было на вешан
и дефе на полу, дефурные сестры

или самолично, не удивлялись кб-
нибу, что освободили кушину.
Наследство 2-3-х летних; и с
разрешением дежурного в
Колонии в 10^м кабинет, а иногда
встретили в коридоре. Когда
тут же сканировались, самиздат
включил на на посетил в
сарай. Это была очень красивая
рубка и грушевые и морщины.
Видеть горюх покойников, некие
чувства на все боковые и боковые,
узнавание среди них своих де-
шек и знакомых.

Много нужно было терпения, вы-
держки и стойкости, чтобы рид-
табу в это время. Если бы способно
решилось не было коммуны, след-
ствием голода и дистрофии, бо-
еуверен, многие бы не выдержали
этих терний.

Умудренными стали становились —
инженеры и рабочие с высокой
квалификацией. Многие не
пошли в Красную Армию, чтобы
производить оружие для фронта.
Умудренными становились и сфера, муф-
тин и французин, но муфтин
было больше.

Колонии между ними великим
трудом. Такого же великого
мы не узнавали — скане
отрешили себя от себя.

искали прощения помощи, а мы
ниги не могли им помочь.
Вспоминаю инженера Андреева,
погибшего у нас в 22-й кабине.
Он пришел на работу за продо-
вольственной карточкой в по-
следний месяц января 1942 года,
оформил карточку у нас и умирал.
Мы вamonотали у него через адми-
нистрацию завод тарелку супа
из столовой столовой в карточке,
но молодой человек мы не смогли
были спасти. Тифозно было смертельно
и умиралось инженер Рудыкин,
начальник электроузелка. Не
смогли мы то, что он был естествен-
но в лучших условиях, в-к инженер
в директорской столовой, он не выжил,
потому что делал свои ежеднев-
ные работы с лесного и лесной стороны.
Спасли мы, помы сами. За несколько
дней до смерти, чувствуя угрозу
своей слабости, он обратился к
нам: его последние часы не
были надежды. Имя нашего тогда
в наших руках ересь-набоки
процессов был уже не могли
его спасти.

Много дней приносили нам по-
мощь, чтобы спасти жизнь нашего
завода, спасли его не могли.
Так-же в стиральной тогда уже
открытом лесу не было, мы создали

ему условию в стенах поликомитет, 13
освободив отделившую компанию. Он
страдал похосом; ароматический эфе-
мудогам болен в губе его. Вто-
следующим, когда был уже оторван
спайнопар, мы дали ему двафе-
гелем пирине, а затем его ле-
дисамитом; время приезжали за
ним графрейфа. Но вскоре спай
его не удавалось.

Умер 22го ноября на машине
стационарной Мамбей Аркадий.
Болезнь, голод превращаясь в
красивый и бесобразный свист.
Точно пример-хемик Мамбей,
который очень долго держался
бодро, даже проявлял некоторую
преиспирательность, дружил с на-
шим врагом; был переговорен
с грозным директором становой
А. П. Самаринской, относительно
покупки какого-нибудь суще-
но-беспокойства для врагов, за-
нимая очередь врезки в-время
на обес, за что и был прозван в
пути "времяем". В. В. В. В. В.
сильно, что время умер, и место
его в становой оставив пустым.
Многие шли к нам за помощью.
Вспомогать дог стационарную
работу Самаринской, которая буд-
то сама думала, что пришла
и много из города своего была;

самым энергично раскрывать место
у него в 22ой кабинете, устроив
стало отсюда и не отходя от него
до самой его смерти и сама, вместе
с санитарками, выносила его тело в
середину.

Работа дежурного врача была
особенно трудна тем, что не
присутствовало удовлетворения. Первым
было нем. Кроме формальных
иногда подкармливая средой и зрением
в распоряжении дежурного врача
было назначением каких-либо
дополнительного сына, и поручениями
на дружеские-красивые при нашем
заходе. Этот сын был ордафа-
тельным запада, избу и вину,
по большей части его озонно.
Впрочем его было так мало, что
ни кафельной больницы его не
покрыть.

Дежурный врач должен был
определять смерть смерти и
осформировать соответствующее
документы. Смерть надо было
быть. Выполнено такой акцией:
среди 10-12 тысяч в 22ой Каби-
нете обнаружены через 18^ю лет-
нюю юную доброту и негати-
вно, без всякого следствия
соседним ушибом и следом на
голове и левой ноге. Достигли
он был из всех; детально

14
нашим мо на полу и предположив,
что он свалился с верхней галереи.
Таким-ли образом на самом деле. Не было
ли здесь преступление? На этот
вопрос ответ могла дать только
судебно-медицинская экспертиза,
вероятно, куда мы и направим
теперь пострадавшего. Сестра
умершего заявила, что ее брат не
пьянствовал.

Антропов заметил синяки
на лбу и на щеке у больного.
Одновременно разделив драматическое
к нам по всем рабочим-судьям,
мы нашим обмороженным во время
тебя большой кусок резина, который
он очевидно хотел вставить, чтобы про-
ложить на хлеб. Быстро и резко
было смотреть на следственную
сцену: одновременно в 22ой кабинет, когда
он был особенно задержан умира-
ющим, принесли носилки с гробом
ной, а затем взошли с медсестрой,
поставили носилки рядом. Пройдя
по всем и мы увидели, как гроб
улица приподнимался и начина-
ет двигаться с теми медсестрами
марш. Оба умерли в гробу и гробу.
Конечно все это должно быть обязательно
но поднимается следствием и следствием согра-
ждение гроба, Г-и интеллект был равно
смерти.

Воздух в кабинете был гробовой,

Болонне здесь все отградившим сло-
вотеленным поведением; у Горан
без слов не было; поведением Горан
через тошноту и перегруз, при чем
тут же самым извещением, про-
мокнуло обиду.

Многие Болонне отградившим поведением
Вспоминать Болонне Ризикову; она
мне и у нас в 22-м кабинете
за мирной и терпимой семь дней
вспоминать места в стационаре,
открытые кофрало предположено.
Болонне Болонне. очень изобретена, обра-
дана поведением. Болонне-го поведением
наше она у нас самым извещением,
там другие. ей дали подушку под
голову, кусты на которой она
мне самым извещением мирной,
таже давали греху. Болонне
мне извещением саранцы, она
Болонне поведением в стационаре,
ее проведенья несколько не-
сечел, а затем и извещением.
Но такая отградившим извещением было
очень много.

Много любви, самопожертвованием
вспоминать и дать извещением за уни-
версальным извещением нам
средний извещением переосел.
Болонне извещением извещением
извещением, при чем к нам на
работу извещением извещением
извещением. Ни на извещением не

151

оставлена она удивительно, как
мать пододвинула она к болонному,
старанясь нарядно поутроить устро-
ить: одному дню гремел, другому
попых, впрочем, лекарь-во, ска-
жет раскорм, одобряющее слово.
Так же утка и молвил ожно-
сидел к болонной медресе Ч. Мир-
кели, которая впоследствии ушла
от нас в Красную Армию.

Глава IV Хирургическое отделение.
Хирургический кабинет был на око-
лом призматическом положении.
Он имел освещение от софитового
аппарата. Но доктор Якушев
закрывающее кабинетом разрешил
послеобеденное время освещением
только при помощи лампы. Я-
чею решил во время обертки
или болонной. В остальное время
кабинет освещался только естествен-
ным светом. Работать можно было
только в одну дневную смену.
Недоед и аккумулятор действо-
вал; в начале января 1942 года
зарядки кончились и тогда осв-
ещались лампами: люминес-
центной, копилкой, мушкет, керосиновой
и электрической лампы.
Такая работа происходила в
дневную смену. В ночную смену кабинет
был закрыт и освещался лишь в боль-

моя герлене мръсва била била
ден и нощ. Точили тези рани
една, но тито била толкова на един
метър от перка. На перке стоим
маш, които нурно била отбавно,
серийнича. За перка на нисен-
ком мадуретте поменуваше
доктор А. ... , сама болон-
густрофия. Она била, наеволю
псмонсена то поднебна, косматра
болонна ет била мръсва. Болонне
поднебни и ней, псмонсена и
попсавали слон зъби. Перевозан
денни медицински сестри Наци
Солонина, патент на мелову
мръсва презнати хванат. Болонне се-
стрински косматки на космат у
ней била мелован мапоски. У
не велико превозан морно била
сделани, б-н некоемаш, тска
не отбавили во време топки.
Болонне псмонсена в кабинет
и космат, мръсва, псмонка, псмонка,
судовосемки и сацимне на космат,
ни на мадуретте и перка, отбав-
хали а заеки патентан рсмонсена,
рсмонсена и не космат отбавили от перка.
Восмат перка псмонсена мсмонка,
Мсмон Наци Солонина, не работан-
маш и патент поменуваше, космат
псмонсена в медицински кабинет
и космат псмонсена у перка
и космат, космат, псмонка и

нико не образует симметрии,
то сидит в асфальтовом
кабинете, никак-то поборонит
спиритики, как-будто бы его
было в порядке вещей.

Терезовской метером у нас
тогда был, но мы раскочевали
по гребенному берегу, и
время поминим о монуции
быть раменна во время обу-
лов и библере.

Они так и бивали.

Заблудивший звук разрыва аргу-
ментового спирита вметаллической
пропасти, лежачиха, прило-
жившись себе в башню сожигать,
не только гребенит переона,
кларетный звук, что слышен вогривши,
в том, что подито помини
населению, членом созвучия гео-
леки, вилетти его от смерти,
которую ври сней средине.

Враг был настолько близко и
нам, что мы слышали звук
внутренней изгашки, и звук гро-
хот разрыва и разгущения на
нашем залоге.

В окрестности 42 года спирит пошел
в карьерное помещение на
нашем залоге. Через полчаса на-
чали на пошквал пошквал ра-
пенки, на было много. Омоулающие
коммюфис, проманившие голоса,

изображение гробов с лавками
выпиранием; брек и удитие.
Бреки и полки реверсивные ме-
дицинский персонал вадурри-
сепаль отделили. Рентгенологи,
оградительные, немыслимые повести,
давали левые раменны, зная-
говым на повести, реверсивным
и оградительным в оградитель.
Немодернестно подарили помощи
руководства с-2 тнума пол. по
работам все: брек, сепри,
реверсивный, сепри, работам
сепри, реверсивно, не иза, сепи.
Руководство всем помощи пере-
сонам с-2 лавки брек.
Помощь!

Однажды ночью во время обстре-
ла был ранен один постре-
датель, который немедленно брек
и реверсивно на помощь. Из помощи
и помощи на повести, сепри-
зом, оградительный реверсивно. Оградитель
помощи помощи, что он сепри-
зом помощи и не подкинул. Он
оградительный, громадные зепи-
рующая реверсивно; оградительный сепри-
реверсивно вместе с реверсивно реверсивно
реверсивно реверсивно, реверсивно
и сепри-
реверсивно, сепри.
Все, что и реверсивно и то реверсивно
реверсивно на всю реверсивно.

Титул V Нам Соин.

17

В свободное от работы время,
мы старались найти такой район,
где бы можно было собраться.

В начале 42 года было много в
Советской. Соединившись занимаем
место на крутом берегу и устро-
или на нем селение. Другие сидели
на скамейке вблизи от всей доли-
ны оврага. Такое место, в пош-
кинской, где бы можно было раз-
деться и сидеть спокойно в
белом платье не было. Многие,
даже дети, спали в полозьях,
затянутых шнуром, бортами или
каменными. Многие наши со-
трудники очень любили сидеть
в 42-м кабинете вокруг потрескав-
шейся, лопнувшей и было замечено.
Здесь же отогревались, кипятили
воду, сушили лапти, делали
и еще что, погребенный котиком
в столбик; здесь отдраски, деви-
цы в белом, никогда не
мыли, смелись, правда редко.
Все это происходило в присут-
ствии водителя, генератора
болонки, не смотря на бурный
аппетит зетак, который был
некоторых из нас.

Реакция наших сотрудников на
отсутствие среди них людей,
в силу того, что сами умирали

Большинство себя стразу
двухтроем. Распорядком, сус-
дним административной разой-
тись по рабочим местам,
описать место у перки где
Большинство, в том числе, после не-
однократного повторения и
еще нарушались.

Он и предположил в городе
не было, а многие сотрудники
прим. далеко от помещения,
то после рабочего дня напри-
чались многого об устройстве
на помер. В одной из манеж-
ных приписки была в 22-ую
кабинету комната прим.
где междустро, спит же на
бедной кушетке, в которой
обедать было неудобно - было.
Почему-то в из комнате было
темно, там было, хотя она не
там не отапливалась, там был
какой-то уют и там можно
содержать своим молодому брату
и междустро, раскладывая насажене,
много и много, в том числе.

Для помера брат был отведен
23-ю кабинет; в нем помещалось
двух кушеток, а следовательно
прим. двести человек брат
Вместо как стоим кушетки,
они несут им своим всем не-
обходимым: белье, манжеты, по-

души, осязая. Кушетки ефем
 очень дешево друг к другу — изводи
 между ними не было. Точерди
 комитет — чрезвычайная мера, офи-
 циальная швейцария ее было го,
 то она утратила дурман. Которы
 покрывали все покровом ефем
 годы распада ефем, лизавей сиво-
 боды, расдрасеи и спаси вер-
 ных гражданских мучей, по
 перен все же раскатылась; около
 нее можно было погнаться, на
 несколько минут раскатылась мучу,
 афкофот дурман неет болели,
 можно было погнаться болели и
 велики, приговаривали гай из серно-
 синородных парок/замораженно
 мучаемо и вкучено, а малые
 тонкие ефем — легу ефем ефем-
 сфемити немоуши ефема, —
 как легу мы собирались вкру-
 тую около перен и мучей ме-
 дикунской мучеймучу и мучей
 из мучеймучей мучеймучей.
 Упавшая ефема, мы прикро-
 тились не болели полати и оде-
 лами, но так же подумали
 и мучеймучей. Все мучей немоу-
 шие ефема мучеймучей ефема
 втерились пот. Воды ефема
 на подоконнике к мучей мучеймучей.
 Как бы добавить немоушью при-
 мучеймучей мучей комитет было

19

Душман: попросил нести седмично-отрабатки рабочие талоны охотничьего питания мол. Ассенал, разрешил отпустить меня из его-вои 46¹⁰ часа по талоны-кам суним второл, что будет. Охотничьи талоны, составление списков, составление денет и при-даны, пенные отряды-ево душки. Он всекий раз по-ево-бо

занимался. Многие из нас едали,
когда монахи владыка убогий
вспомнил "есть", "принесли" загла-
вие "перехватил" сон и дефакто
122^м кабинет, где обитало проше-
лом разгара урфина.

Однажды ввечерне изобретения не-
мцы приградили боюнам
при буре неменей едо, а предвост-
авил слов 19^м кабинетом дом
разгара урфина. Но вскоре боюнам
там отключилось от слов сего,
Г-а многие кустами с фактой
предвоставил, разбавил посуду,
прошевелил при Г-го и урфу
образовался на етоме и на поше
мелким корам, а убогаго никто
не едо.

Надо отдать справедливость на-
шему реальному делу. Многие
томоидову Раммелю. Он был
одним из тех мастеров, кото-
рые сумели организовать свои
кредиты, в бресте проявили заботу
о нем более изобретательно. В то время
с акцентом на заботу он при-
нял участие в разработке мероприя-
тий направленных на борьбу с диспро-
порцией и другие вопросы о промышленности
работы и обслуживания на-
шего завода. В одном из этих нежных
из них он изобрел нечто. Но
он не является ни тем изобретателем.

Встретили по решению врачей, при 20
чем получивший доктор. Там были
Клима и Зеро-ке и поминки.
В некоторых случаях изобретены
двухэтажные сун; его выдвинул без
Киреши Тароши из Киреши, но
он был отпущен на вью, и
ему его по необходимости, как лекар-
ство принимали.
Не забывая г-н Ромаш и нас, слова
сообщил. С большим трудом, при
помощи дачного завода, он выво-
дился нити из дачи в дачи и
двухэтажные сун. Небольшая про-
дольная была так велика, что она б
мешала большому количеству
двухэтажной. Делали завод с нами
и паровой; полагали ее Точнее
Лари по 100 зр. в день, не регулярно,
но все же довольно продолжитель-
ное время. Раздала паровую-то
было изобретение смышлености.
Получена она была в-ру
Труманов. Встретили все врачи
собиравшиеся около Ринко-го при-
несшим из завода довольно с
паровой сословии таканника-
ми и врачам. Раздала г-н
Труманов паровую при помощи
предварительного стакана, при чем
ее отделили были нити ее вониз,
иные мои колес ее мучил.
Особенно паровую продолжитель-
но.

2005

[illegible]

хоррорные дожди: уже река в паводок, 21
 в среду и в субботу на восходе.
 Казалось, никакие силы не могли
 остановить нас, ни градая работы,
 ни подвешивание вагонов, ни темноту,
 ни омерзительные транспортные, ни
 другие неудовольствия административ-
 ные. Кому там самим. Препятствия
 киношники, которые надо было прео-
 нимать-преодолевать! Этого же хотя на не-
 которых время от времени перемени-
 лившиеся символические страдания,
 подобно среди родных мобилизации
 мощей, удостоившихся, что они были.
 Не боялись лишней погрязности, что
 еще в киношники. Все, что можно
 было всего с собой: с'есть сменным
 супом и кешу из директоров с бо-
 ловой, не дожидаясь украдкой пирога.
 накопленные кусочки хлеба - все
 это употреблялось, делаясь доубав-
 лившись дошлой, своим близким.
 Кончайте же президентов из живота:
 и погребены мабо и ре-
 бята; и д.г.а. и
 старик Гавриил от голода
 догнал была немелкая, именно,
 мизер; сием заедем мизер на-
 кенту отравившим руки и мизер;
 убивали из мизер, в мизер отравившим
 от думки более омерзительной мобилизации,
 и мизер одна, немелкою отравившись
 и ускоренная, когда производили

много пережил — человек много узнал, не
поднимаясь, умер, да так и безжалостно перешел
во Вселенную, в высший мир.

Воспитавшись из нас, я подкалывался
Горюе к себе подавал. Полюбовавшись
прозой моего Товарища проеже, я
подкалывался и смерном берлоге,
узнал и не много из-за намерения, которое
не вышло из рук, сразу подкалывался.
Какой же изобретатель этого проеже
узнал, что и смерном берлоге, тогда
он берлогу, пока еще подкалывался,
спрашивал: «себя сам и смерном берлоге».
Но к себе я не один; сидели
хорошие мои спутники
были Я. А. Заварухин (он же умерший).
Мы шли под руку, помогая друг
другу, к себе она была дурным
материалом, подкалывался раскрасавцем
о мурмане дна своей жизни.

Рассказ о ее бытии, о ее жизни и
о ее неземном доходе до моего
дома. Однажды, отсюда от помин-
ных каменей, к себе и за-
няли за себя покаяние над гордой;
смерном берлоге, тогда же, что
покалывался на проеже 25^ю октября, а в
доме в котором я живу, Горюе во-
звращался на эту землю, то же неземно
дохода и т.д. По мере приближения

к горю, зерно покрыва становится все сильнее.

Кое-где в подолы и коридоры до-
го ступенчатые эрманы, предельно ве-
ред полами, в морозной
воздухе густые пламя выржи-
лось из окон, перебежало, перебежало,
никуда не уходя, громадно дождя.
Крыша с перекошенной кровлей
всплывала, пламя на лоток потухало,
а потом опять вспыхивало, мигая
огнем, и особенно в это
мгновение. Вокруг. Не было ни гор-
стка, ни горстка, ни горстка с
огнем, но поодиночке, мигая, что
много, сгорало. Не было поодиночке,
не было обгорело, сгорело, сгорело
до, не было обгорело, сгорело, сгорело
из, мигая. Не было, не было, не было
дождя.

Трала III Посещение больницы на дому.
Перенесен в больницу на дому сани-
тарно-клинической помощи открытой семьи.
Но иногда, в некоторых случаях при-
ходилось и нашим врачам посе-
щать заболевших рабочих и сущест-
вующий наш завод, на дому.
Одним из нас принимал и заболе-
вшего рабочего завода мол. Богда-
нов. Он повредил себе ногу и не
мог сам дойти до поликлиники.
Он пришел совсем на окраине города.

и стелканом молоком.
Втретиню ели и у нас другой дорогой.

23

Взят Сержиком Д.т. 15/II 1943 года

В середине января 1942 год стояли
мощные морозы; птиц не замерзали
на лету только потому, что птиц в
это время в Ленинграде не было.
Среда - середина недели; в этот день
удержать нас в полемике не-
возможно не могло: работы не было
и мы-враги уходили домой уже
заснежено, часа в три тоби проехали
12-15 километров пешком до по-
близости дома. Мы по традиционному
пути; т-к здесь была неосвоенная
пешеходная дорожка, а освещенные
самые дороги и панели были не-
проходимы - покрыты ледяными снегами.
Недалеко от мостовых Ленин, Бери-
н, где кончалась первая зона, в которую
возможно уже несли нас кое-какие
улицы и парковые аллеи сзади,
была канализационная канализация
и заметна медленная дырка, дырка
сигналу. Трудно было понять, почему
это была улица или гараж,
скорее все-таки молодая, но с худшей
сборщицей, старшей или
и много ошущенной на лоб серой
малой; на нее погубительный пар;
короткая, раскаты, короткая юбка,
какая-то красно-розовая юбка и
подобие боти на медленном перекати-

самоуниже покая. Я ее обожала и,
хотя такая, как она было не мало,
все-же почему-то долго не могла
забыть ее страдальческию личику,
и тупо-покорный изразец ее глаз.
Она дожила доми среди многих моде-
рных людей, а бодро шла в гербери-
умном и поминкину обрешено.

Взвраще некаями от Шендунг
Ленины, а Заметили из снега рас-
вешенной гонимой, как мне показало
описание, не едем очертаем фигуру
уже опасной, снегом непо-
нимой тревогой. Я подошла ближе;
да, это она... мое вранье не-
бывало в короткой фразе, ко-
роткой юбки, в красно-розовой юбке;
вспомнил уже замерзшие, не бокала,
значит здесь была она ушла,
подметивше неслучайно и ушла,
ушла одна.

Вспомнил людей прошли мимо,
и идут мимо и пройдут мимо,
и никто даже не удивлялся, а-а
Григорий много.

А еще будет ее заметать, засыпать
снегом по-прежнему, а потом и совсем
похоронит.

1948 год.

Марту 1943 г. В здании были про-
ведена бомбежка, разрушено инженерное
калозо водопроводного города. Это
сразу сказалось на притоке продоволь-
ствия и на других условиях нашего
бытия.

Еще весной 1942 года, когда начался
сильный голод, охотники города отлучались
были обморожены и сильно пострадали
от холода и голода на природе,
на дорогах в поисках продовольствия клар-
нетов, в подсобных. На своем же
кормлении, еще были впритык истреблены
продовольствием и там заготавливали.
Всю эту работу мы проводили сло-
вом своим. С тех пор в Ленинграде
поддерживались обитатели города и
посредств.

А в 1943 году мы имели уже радио;
использовано восстановлено Три-
единное движение. Тем самым не
могли дать электричества в
квартиры, но в конце концов набо-
рившись, а также водопровод
и другие машины.

Но обстрелы мы еще долго пере-
живали. Когда вдруг остроты и брызнули
наше же дело, как можно больше
предотвратить потерю.

На своем же на танцы Тревожную
обстановку работа по восстановлению
никого завода и промышленности
не прекращалась.

Ясный, радостный день ранней осени.
Небо голубое, голубое; пыльные облака
меленно плывут по небесному простору,
не ходя менее своих очертаниях, прикипая
самые прикипелые: вот это изображение
не молнии, не похорои человек совер-
шает свое сказочное путешествие; это
почти что разбитая лодка горда,
развалины ледяных стремений, занесенные
снегом. Маленькое дуновение ветра,
и горд и молнии перекают и перед
тазами несеятого бараньего
беленького и нежного. Солнечный
обливает своим бледным лучам
ленивое небо, ледяной дупок
деревьев и кроши соседних домов.
В открывае окно оно так же вхо-
дится вместе с чужим шумом,
редкими тремучиными словечками,
мудрым мнением, изаути на ярком
приказе командира и в котором
модей.

Трад-та-та.... раздается высоко в
воздухе и сразу разлетается, повто-
рившись хохот на сотни оснований.
Обсирей.

Ясный подтверждает обзорную. Длин-
ные по длине прекрасные, не-
лениво чужие — трижды прозлу-
гане приказы по радио. Но... на
рибонку идти надо. Возможно,

что в районе завода обстрела нет;
чужим там идет своим чередом.
Администрация морзистая и "кого
слюбит" на не приметные воярши
на работу, а то и закон от 26-го
напоминать.

Самое страшное на всем пути
это милиционер, который, если
замечает вое, не пропустит
ничего не поможет, ни проворно,
ни проворно, ни предвзвешенно са-
мим лесным документам, ни про-
пуск разрешающий ходит воярши
"воярши" проворно, обидительно са-
прет в воярши воярши.

Обстрел продолжается; тут, прежде
всего не понастоит на много мин-
ут. Второе: пройти так, чтобы со-
хранить время; надо идти так
но не обстреливаемой стороне,
ведущее воярши в интервалы между
разрывами снарядов, а в такие
моменты прятаться в кусты
под лесом или под воярши.

Третье: держаться воярши не
лучше от прямой линии пути,
там, если не будет прятаться по-
надавшие и не попортят прямой-
ной путь, то есть возможность,
хоть бы хоть 12-го километра
пути пройти в воярши.

Самое главное, когда воярши
из зоны обстрела, а там уже

мочко кагачи спокойно. Столько
изредка удавалось красавице на ри-
бонку в трамвае куда и обрести,
а в основном болельщю заст дорож-
ным пенкам.

В помещении 16/VII 1943 года

Трохот разрыва и падающих небесах
ослабкой ливневой кагачи обстрелена. Снаря-
же медработниками и болельщю, находивши-
сь в кабинетах, вошли в коридор.

Посланным из своего кабинета вошли
старый управляющий у-з Тимко
Лев Антонович. Не горюя сменяем
треснувшими руками своими в
истории болельщю, сиренам в порт-
реле именные болельщю болельщю
листал, представляющих собой неко-
торую ценность, и вошли с порф-
рейном из кабинета.

В следующий момент слышат
разрыв потрес все здание.

Сильней сараблом, ослабшими
от предыдущего обстрела где
колонны подвеса, тем сараб-
ном уграждения вторично слыши
внутреннего здания, пришед
на себе удар. В отпущенный момент
слезы прохлещ по пути кати-
нели и регистрацией, перекинул
кирпичи, обложки мебели, стекла
мощищуру, медведицы.

[illegible]

окнами и разрушенною кабинетою помехи.

Еще вначале обстрела мы получили распоряжение, в промежутках между двумя разрывами перейти в соседние бойницы, и разбежались. Гати подает первой помощи, туда и перебежала все медперсонал. В помехи остались Бригада из двух врачей и сестер, где обстреливали случайно попавшим и нам раненым. Но это помогло быть именно, случайно, Г-н всем видно, было, что на этот раз обстрел нападением сзади был мед-сан-гасты.

Мы сидели в центре помехи и в помещении не имевшим окон, но в первом этаже, сидели все вместе и никак не могли сосредоточиться. Помехи были изданы под ураганным обстрелом. Все здание потрясавшее от разрывов с середины уничтожило все стены, врыло много оконных рам. Осколки кирпича, пыли, кровли, потолка своим передвижением стои и разрушительной кабинете, медицинском, матерьял. В моем кабинете осколок с середины, вбит в стекло окна, расколол треснул зеркальное стекло на миллионном столе и повредил темноватый

Взрыв раздался странный грохот-
разрыв сирены и дробь осколков.
Начальник цеха Сибирский выскочил
к окну и определил, что сирен
у нас было поминутки, и, не
оформив команду из штаба МВВ,
он начал отдавать распоряжения
по цеху. Я вскочила со стула и
побежала к выходу, направляясь
в поминутку, куда я должна
была прибыть по сигналу ВШ.
Я была уже у двери, но вдруг
резкий окрик Сибирского заставил
меня остановиться: "Исследуй,
а вы прикатываю сирены
в бомбу-беленце". Возмущенным
таким обращением, я повер-
нулась, чтобы ответить напе-
рекующим образом. В это время
второй сирен у нас в цехе
у выхода из цеха. Странный гро-
хот раздался над самой головой;
был слышен шум кирпичной
стены, пробитой в потолке, сле-
дующей двери, вбитой все стены.
Нам закатано много кирпичной
материю. Не отговори мне Сибирский,
а был бы поражен под обломками.
Но мол. Сибирский все же на кабо-
лится герой; ни один человек не
дрогнул не, но мне, и он все
время оставался на своем посту.
Душеуспокоительный был результат

в цеху. От такой бегущая в
большой беринге людей (среди которых
каждый оказался и я), откуда много дров
и бросили на крик. Беринге в
большой беринге, представившее собой
узкий коридор, запертый изнутри
и вверху со скамейками вдоль
стен и с маленькими столиками в
тугом конце, тускло освещенный
свечарем-мешком, на котором
висели лампы, освещавшие, из
которых особенно опасные ранения
было у многих работников баш-
кинской. Эти ранения несли ей
в красном старце. Опасно было
ранения в шею. Опасно было
около, конечно беринге асфальт.
Опасность мне здесь башкинской и
придачей ранения наиболее
опасного положения, удалось
остановить проволочку, и все-
гда в течение жизни, пока думал
о беринге и без риска для жизни-
щиков, конечно, нельзя было
взвешивать, представляющую, в среднем
ей в. judgment. Заменяя руки,
мелкие пальцы, но работа о
ранениях помощи мне не заме-
нать опасность нашего пово-
рота.

Много потерь принес нам этот
беринге: много было ранения и
убитых! Помогите же сотрудничать

завода, который и намеревался по
дороге выехать и с которым расклин-
ился в последний раз. Третьего января
убил их. Среди них была мать,
которую оставили сгореть с женою
доложу.

Очень пострадало здание кон-
кишины; снесло сд колонны,
выбиты стекла, вырваны рамы,
разбиты двери, биты. Труда
обломки кирпича засыпали
пешех и дорогу. У здания боль-
шого помещения вгон, вода
бьет фонтаном из испорченного
водопровода. Висит обрывки транс-
форматоров. Тучи пыли
нефтяны.

Врач Сергеев Алексей Александрович

Адрес: Ленинград - С-24.
2-е Советское д. 27 кв. 7

43 reg.

мен. №-709-44

Весни 1942 года.

Наконец окончилась зима. Спасение оставшихся в живых Ленинградцев произошло благодаря всеобщему слезу с "большой землей". С наступлением весны уменьшилась численность Ленинградцев, следствием хлебной паники, редкой и редкой продукции; продовольственной партия отключалась полностью.

Они стали длиннее и погода теплее, что позволило садиться с себя "маленькие планки и подорожники, воронки, обшарки, отходы".

Безошибочно расстояние между улицей и двором. Мы знаем, что по своему потреблению много. Такая же в теплую погоду может сделать незначительную инфекцию.

В это время пришло пришло об очистке улиц, площадей дворов от снега, мусора, ветров и т. п. Наме: работ тоже включили в эту работу.

Еще в конце зимы 1941/42 года была организована бригада по газорвению мусора, людей похитили от голода и холода. Бригадой руководил молодой инженер.

30.7

-2-

У Преображенского кладбища были
вырыты громадные траншеи
и туда нагнали свозить мусор;
сначала очистили нам знаменитый
сарай, затем территорию от
сугайных деревьев, оставшихся
по уссурийскому тракту с улиц
и дворов.

Местными рабочими для
очистки были отведены пом-
пические дворы и сад. Здесь
мы скопили весь отброс го-
родской отходы, мусора и
кислот, которых накопилось
не мало, вплоть до того, что
доходили до самой крыши
двухэтажного здания.

Работами мы заняты по 2-3

вдоль после окончания
приема топлива в помпич-
еские работы, дружно.

В основном один человек
весь день. На него по-
шло много сил и даже
много денег. Нам
платили счас и кое-где
появились муренки. На ра-
боту были с нами всеобщим
помощниками. Даже некоторые
стали помогать нам приносить
и эту работу свои муренки
и качество работы. В результате
получили складируем весь и вывез-

мне много мусор и перемотка, а
машине слез, сминавшими на
помятой и тачки и вносимой
в отведенное место. Было очень
мало, но все же там как-то
весело.

Между тем продолжалась ва-
канирующая деятельность населения
из Ленинграда. Делаго стало легче,
чем зимой. не надо было идти
никуда, потому что в это
в это время многие работники
перенесли с нами зиму в ла-
герь, выехавшие из Ленинграда;
это были больные и их дети,
которые тоже перенесли
ленинградскую зиму 4/5 года.
Там они сидели, работавшие
у нас в лагере, в лагере
Григорьев. В конце марта 1944.
Перезимовал доктор А. Он был
кооператором, занимался
не делалась своим. Внес-
ти в лагерь и перефразировать.
Там они они перефразировали
очень много, перефразировали
уже, чем все было. Кроме
того в 43^м кабинете у нас не
было другого человека, где бы
она могла работать, в лагере,
перефразировать; не было и
других людей. Почти все
уже не было, перефразировать,

3106

-4-

что она собирала свои вещи,
переехала по разным кварти-
рам и знакома, решила, что
она бедна. Бедна, не обидев
еще записки.

Не смотря на отъезд много
сопутников, много было разбо-
ранных поименно, ириде-
ет к культурной жизни. Бедная
была была уже в полном
разгаре, открыла она; сием
человек переменил время, от-
крыл и в том же слове и си-
лам отъезда и переездом все
поименно; разбавил мебель.
Врачей разбавил по отделе-
ниям кабинетам. Уже специально
особо поименно свои приемы;
офисный зубной, медицинский, ме-
дицинский кабинет. Началась
ремонтная болезнь; врачи
линии в одиозность зани-
сывать несколько болезней, все
не делал и много.
Снова начали убавлять боль-
ничные места. Бедно освобождение
от работ не справилась было за-
прещено.

Антидиплома и лечение
блуждающих болезней.
В это время наши также все
приходилось и много дел о анти-

множеством болельщиков. Были боль-
ше и диспропорции, но теперь она
больше касается была освещен-
ная и в сочетании с админист-
ративными. Число всего и наиболее
серьезно трансформации были ажи-
тажа С. Встречались с ними
и легитимизированной. Встречались
все чрезвычайностей. Трехдворцы
этой и подворные миссии; рас-
пределение и кровотоки; делов
с выходящими субъектами;
заболевание внутренних органов,
печень, воспалительные процессы.
Появление, например, этой ажи-
тажа В до войны, мы почти не
предполагали. А теперь сразу
появление не считаем редкостью.
Больше эти обращаются к нам
больше касается по поводу пово-
рот; но при значительном объеме
оказываем, что они не имеют
и других "Д". Было и наоборот;
мы предположили работы нашего
завода Б. Он проявил внешне
признаки деятельности, сущест-
вует сознание и ритм; а при
частичнейшем наблюдении выясни-
лось, что у него не было, Б-к
был и держанием и поведением.
Сопоставляющие линии и по-
ложившие линии более из-
менились болельщиков.

3925

-2-

Получили новую интернационную
профессиональную, политическую и дисци-
плину. Импозитный, всеобщий
перенесенный голод, организм
не мог бороться с инфекцией,
вступая в свои права победы.

Надо было лечить. Для
больных. Прежде всего они нужда-
лись в еде, и надо было органи-
зовать. Так как работа интендан-
туры усилилась и изменился характер
сподручных, то появились заболевания.
открылись столовые коммунального
типа. Организмизм и наблю-
дение за столовыми, были органи-
зованы медицинскими — как мощный
медицинский фактор. Надо было рас-
пределить питание между наиболее
нуждающимися — импозитным. Это
было уже активный метод лечения.
В конце апреля 1942 года были с
20-25 открылись столовые коммуна-
льного типа в помещении фабрики —
куда нашего голода — столовые
И. П. Мы получили 300 пайков.
Но не смотря на эту большую
услугу, все-таки удовлетворить
все нуждающихся было невозможно.
Была собрана комиссия по
обзору питания под председа-
тельством главного врача.
Я в этой комиссии работал как
первый. К работе были при-

личия представляется заложено
 в комитет, и представляется по
 Тайскому. Заседание происходит
 в 1ой комнате. Начавшись оно
 около часа в 10 утра; продол-
 жилось до 2ой часа дня; с 2 до 5ой
 обеда перерыв, а затем за-
 седание продолжается консуль-
 ской, до тех пор пока не будет
 принято на хранение необходимые
 комитетом бумаги. А нам давали
 задание отобрать к 1ой мая 500
 человек, дамы в течение 2ой дней
 добилось 200 человек и так далее.
 В первую очередь мы направляем
 в столицу для длительного времени
 находящихся на болотных местах
 с заболеваниями: диспепсия, астма-
 тизм. Затем начали проща-
 тывать народ, признанный нами
 из числа по списку награжденных
 женой и женой комитета.
 Услышавшая понает на лечение
 было так много, что были го-
 стиницы не могли вместить
 всех желающих. Будем сто-
 ять в очереди, явились в здание
 1ой комнаты. Дневная и са-
 тарки обмениваются кабинет
 с трудом поддерживать
 порядок. Случай отказа болель-
 щиков не удовлетворяет в
 первую очередь в отношении было

[illegible]

в емоциях, и начала писать сабланы
 — боянину Козару А. "Спасибо Со-
 лменю имени и оружию сабланы
 чиненного питания на писани
 Золоте: в броне перуном, и смена отны
 емолевон" — мол. Внемиле у. 1536.
 "Смоловне чиненного питания
 спаса млы от смерни" Басма В.
 Мы будем, и могу поженено
 восстанавиване стон смир и
 зороче. Ткане все илестаре
 могу на писани саблоте Зусовно
 Бати от поженено, если от в броне
 не броне охроти емолове
 чиненного питания. Это молану

кроме оброне дуо емолове,
 мы гален Басма Басма С,
 приобтенин из стон на саблоте
 Вени; но Басма чинен он не
 и млы и млы пожен он не
 и не броне, емолове. Броне пожену.
 это броне он не в перлен
 дане поженено и млы пожен
 и перлен стон чинен стонета.
 Млы чинен поженено и зороче
 млы млы созрени и стон Басма.
 Басма млы поженено стон зороче
 и приобтени нове стон. Сабла млы
 рибтане по чинен поженено и
 вскоре поженено поженено
 Крине Басма.

Среще от.

Анны Дунал, Делзны, Ташкун, Бемол,
Сашагол, Минал. - Кушарел и.г.д.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859), русский писатель 9
Аксенов, работник треста общественного питания 36
Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), русский писатель 10
Андреев, инженер завода № 232 27
Андреева, врач поликлиник завода № 232 22
Анкудинов, работник завода № 232 57
Балабонина, работница завода № 232 49
Беляев, работник завода № 232 57
Богданов Николай Иванович, 1872 г. р., столяр завода № 232 41
Бондаренко, хирург поликлиники завода № 232 18
Варламов Константин Александрович (1848–1915), артист Александринского театра 11
Васильева, работница цеха № 36 завода № 232 56
Волосатов Георгий Павлович, 1908 г. р., директор завода № 232
в июне — декабре 1941 г. 17
Гинко Лев Антонович, 1975 г. р., врач завода № 232 46
Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель 9, 11
Гончаров Иван Александрович (1812–1891), русский писатель 9
Горин-Горяйнов Борис Александрович (1883–1944), артист Александринского театра 11
Давыдов Владимир Николаевич (1849–1925), артист Александринского театра 11
Евгеньева, технический работник медсанчасти завода № 232 38
Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), русский поэт 9
Закалунева Е. А., врач поликлиники завода № 232 40
Зарайская, стоматолог поликлиники завода № 232 18
Козырева А., больная, направленная на усиленное питание 56
Кулжинская Ольга Степановна, 1874 г. р., владелица гимназии 9
Куприн Александр Иванович (1870–1938), русский писатель 10

* Включены имена, упоминаемые в печатной версии воспоминаний.

- Кушнарев, работник завода № 232 57
 Легков, работник завода № 232 57
 Леонова, врач поликлиники завода № 232 35
 Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), русский поэт 9
 Ломтев Михаил Диомидович, 1901 г. рождения, главный врач
 поликлиники завода 15, 33, 37
 Лосева Шура, медсестра поликлиники завода № 232 23
 Матвеев Аркадий, машинист завода № 232, стахановец 28
 Микулов, инженер-химик завода № 232 28
 Никифоров, врач поликлиники завода № 232 18
 Певзнер, работник завода 57
 Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт 9
 Разикова, пациентка поликлиник завода № 232, эвакуирована 30
 Рубцов, инженер завода № 232 28
 Савина Мария Гавриловна (1854–1915), актриса Александрин-
 ского театра 11
 Сахаров, работник завода № 232 57
 Семенов, стахановец завода № 232 29
 Скипский Дмитрий Григорьевич (1908–1986), начальник цеха
 завода № 232 49
 Смирнова, директор столовой ИТР завода № 232 29
 Соловьева Надя, медсестра поликлиники завода № 232 32
 Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), профессор Москов-
 ского университета 11
 Туманова А. Ф., дерматолог поликлиники завода № 232 18, 31, 38
 Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), русский писатель 11
 Устинов Дмитрий Федорович (1908–1984), директор завода
 «Большевик» в 1938–1941 гг. 17
 Фонвизин Денис Иванович (1745–1792), русский драматург 11
 Чарская Лидия Алексеевна (1875–1937), русская детская писа-
 тельница 9
 Царева, врач поликлиники завода № 232 22
 Швецова, хирург поликлиники завода № 232 18
 Ширкевич Н., медсестра поликлиники завода № 232 31

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большеви-
ков)

ВТ — воздушная тревога

Д-р — доктор

Завком — заводской комитет профсоюзной организации

ИТР — инженерно-технические работники

Лекпом — лекарский помощник

Ленфронт — Ленинградский фронт

МПВО — местная противовоздушная оборона

Продкарточки — продовольственные карточки

Райздравотдел — районный отдел здравоохранения

Райком — районный комитет

Райсовет — районный Совет депутатов трудящихся

РОЭ — реакция оседания эритроцитов

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

СПИСОК АРХИВОВ И АРХИВНЫХ ФОНДОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПУБЛИКАЦИИ

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

- Ф. 947 — Федеральное государственное унитарное предприятие связи «Управление федеральной почтовой связи Санкт-Петербурга».
- Ф. 1275 — Государственный ордена Ленина и ордена Красного Знамени завод «Большевик»
- Ф. 4301 — Отдел здравоохранения Исполнительного комитета Ленинградского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
- Ф. 7384 — Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов.
- Ф. 9156 — Комитет по здравоохранению Правительства Санкт-Петербурга.
- Ф. 9631 — Документы и воспоминания о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и блокаде Ленинграда.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

- Ф. 436 — Петроградский женский медицинский институт